

Нейман А.

ДЬЯВОЛ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Альфред Нейман

Дьявол

«Алгоритм»

ББК 84(4Гер)

Нейман А.

Дьявол / А. Нейман — «Алгоритм», — (История в романах)

ISBN 978-5-486-02175-6

В историческом романе немецкого писателя Альфреда Неймана «Дьявол» описаны события во Франции XV века – борьба королевской власти за создание единого национального государства. Центральными фигурами романа являются король Людовик XI Валуа и его ближайший помощник – простолюдин Оливер Неккер из Гента, прозванный Дьяволом за острый ум, проницательность и бесстрашие. В напряженной, полной драматизма борьбе им удастся преодолеть сопротивление крупных феодалов, образовавших союз против короля.

ББК 84(4Гер)

ISBN 978-5-486-02175-6

© Нейман А.

© Алгоритм

Содержание

Предисловие	6
Книга I	11
Глава 1. Процессия	11
Глава 2. Неккеры	19
Глава 3. Пробный камень	29
Глава 4. Сатир	37
Глава 5. Ночная беседа	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Альфред Нейман

Дьявол

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2008

© ООО «РИЦ Литература», 2008

Предисловие

Период XII–XV вв. в истории Франции был периодом национального объединения. К концу XV в. французское государство занимало в основном почти ту же территорию, какую занимает теперешняя Франция (за вычетом колоний). Процесс создания крупного национального государства был длинным, сложным и противоречивым. В X, XI и начале XII в. Франция представляла собой хаотическое собрание десятков крупных и мелких феодальных государств – герцогств, графств и т. п. Власть короля была совершенно ничтожна; она простиралась, по существу, лишь на королевские домены, на герцогство Иль-де-Франс, где король был наследственным князем. На землях других князей он не мог распоряжаться. Он был лишь первым между другими равными крупными феодалами. Да и в собственном домене королю приходилось постоянно вести борьбу со своими баронами, обладавшими замками, рыцарскими дружинами и неограниченно господствовавшими над местным крепостным и некрепостным населением. Феодальные войны и усобицы между князьями, между баронами и даже между простыми рыцарями были обычным явлением. Однако в XII–XIII вв. во Франции, как и в других странах Европы, произошли важные социально-экономические перемены. В стране широко развивалось ремесло; выросли многочисленные города; торговля приобрела более постоянный характер. Натуральное хозяйство, господствовавшее безраздельно в ранний период Средневековья, уступало постепенно место товарно-денежным отношениям. Рост промышленности и городов, развитие буржуазии, начавшееся образование единого государства из раздробленных и не связанных ранее провинций – все это находилось в резком противоречии с господствовавшей феодальной анархией. Города задыхались под гнетом соседних феодалов. Торговля встречала постоянные препятствия со стороны разбойничьего рыцарства. Ощущалась настоятельная общественная потребность в создании крупного государства с сильной централизованной властью, способной обуздать своеволие феодалов. В этих условиях королевская власть во Франции начала быстро укреплять свое положение. Играя в этот момент прогрессивную роль, королевская власть привлекла на свою сторону города и вместе с ними, с так называемыми городскими коммунами, начала решительную борьбу со знатью. Энгельс по этому вопросу писал:

«Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (*das Königtum*) была прогрессивным элементом, – это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним. Союз королевской власти и буржуазии ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов; далеко не всегда в течение всех Средних веков дело шло этим путем объединения, все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника».

Большие территориальные приобретения произвел уже во второй половине XII и начале XIII в. король Филипп II Август (1180–1223). Ему удалось присоединить герцогство Нормандию (на севере) и графство Анжу (на западе), которые в то время находились под властью английских королей. Его сын Людовик VIII и особенно внук Людовик IX Святой (1226–1276) присоединили большие территории на юге – так называемый Лангедок и большое Тулузское графство. Внук Людовика IX, Филипп IV Красивый (1285–1314), захватил Лионскую область и Шампань (на юге и востоке), Наварру (на юго-западе) и пытался завладеть Фландрией (теперешняя Бельгия). Чтобы получить еще большую поддержку горожан в борьбе со светской и церковной знатью, Филипп IV с 1302 г. начал созывать Генеральные штаты – сословное пред-

ставительство в составе депутатов от духовенства, дворян и горожан. В начале XIV в., по крайней мере, две трети французского королевства были подчинены власти короля. Король имел к этому времени ряд центральных органов судебно-административного и финансового характера, а также своих чиновников на местах, так называемых бальи (на юге – сеншалы); эти чиновники назначались из центра и регулярно отчитывались перед королем. Таким образом, династии Капетингов (правившей во Франции с 987 до 1328 г.) удалось добиться значительных успехов. Из ничтожных королей, какими они были в X, XI и начале XII в., Капетинги к началу XIV столетия стали могущественными властителями, сильно возвысившимися над прочими феодалами. Однако сыновьям Филиппа IV – последним Капетингам, а также первым королям из следующей династии Валуа (правившей во Франции с 1328 по 1589 г.) пришлось столкнуться с крупными осложнениями. Феодалная знать крепко держалась за свою независимость. Чем больше усиливалась королевская власть, тем сильнее была оппозиция феодалов. Уже в XIII в. феодалы объединялись в союзы для борьбы с королем. В XIV в. в тех же целях французские феодалы не раз заключали союз с английским королем. Особенно критическим было положение королевской власти во Франции в середине XIV в. В начавшейся Столетней войне (война с Англией, происходившая с 1337 по 1453 г.) французское войско потерпело несколько крупных поражений. В 1356 г. в битве при Пуатье был взят в плен сам французский король Иоанн Валуа. Его наследника, дофина Карла (впоследствии Карл V), феодалы фактически не признавали. Большое недовольство правительством было и среди горожан, жаловавшихся на тяжесть королевских поборов, на произвол королевских чиновников, на умаление старых прав коммун, которыми пользовались многие города на основании королевской грамоты XII в. В 1358 г. во Франции произошли два крупных восстания. Одно было в Париже, где старшина купеческого цеха Этьен Марсель захватил на некоторое время власть в свои руки. Другое происходило в провинции, к северу от Парижа. Это было крупное крестьянское восстание, известное под именем Жакерии. Крестьяне, страдавшие от крепостного гнета и новых денежных поборов, введенных феодалами, измученные войной и грабежами рыцарей, восстали и истребили немало представителей французского дворянства. Оба восстания были подавлены. Буржуазия, далеко не созревшая, оказалась не в состоянии удержать власть. Париж не был поддержан другими городами. Сам Этьен Марсель не оказал достаточной поддержки крестьянскому восстанию. Феодалы на некоторое время отказались от оппозиции и теснее сплотились вокруг трона. Так королевская власть преодолела кризис.

При Карле V (1364–1380) королевская власть снова начала усиливаться. Карл V провел ряд важных реформ, заложивших еще более прочные основы централизованной монархии. Он добился согласия от Генеральных штатов собирать постоянный налог, не обращаясь каждый раз за разрешением к штатам. Далее он начал организацию постоянной и сильной армии, что делало правительство менее зависимым от феодалов. Война с англичанами продолжалась еще долго. После успехов французских войск при Карле V, когда англичане были почти вытеснены из Франции, в начале XV в. последовали новые поражения французов. В 1422 г. английский король захватил Париж и был провозглашен королем Англии и Франции. Но патристическое одушевление охватило крестьянские и городские массы и привело к поражению англичан. Крестьянская девушка Жанна д'Арк, организовав вооруженный отряд, сумела отстоять от англичан город Орлеан; она провела молодого короля Карла VII в Реймс, старую церковную столицу Франции, где он короновался; далее она предлагала поход на Париж. Жанна д'Арк погибла: попав в плен к англичанам, она была сожжена на костре в 1431 г., обвиненная в колдовстве. Тем не менее дело освобождения Франции от иноземного врага продолжалось. К началу 50-х гг. XV в. Франция была очищена от английских войск. За исключением города Кале, англичане потеряли все свои области во Франции. В результате Столетней войны французский король присоединил обширное герцогство Аквитанское на юго-западе Франции. Теперь не присоединенных к короне крупных земель оставалось совсем немного. Это были:

Бургундия – на востоке, Фландрия и Бретань – на севере. Таким образом, объединение страны приближалось к концу.

В этих условиях на королевский престол вступил сын Карла VII Людовик XI (1461–1483). Он был королем очень крупного королевства. В его распоряжении был довольно развитый центральный аппарат управления. Многочисленные чиновники, прошедшие школу римского права, происходившие частью из мелкого дворянства, частью из среды буржуазии, составляли его послушную армию. Страна имела обширную внешнюю и внутреннюю торговлю. Людовик обладал громадными по тому времени денежными доходами. Он мог нанимать многочисленные отряды шотландских, швейцарских и немецких солдат. В руках короля была и французская церковь, полностью подчинившаяся к этому времени королевской власти и поставлявшая для короля образованных, гибких, хорошо ориентировавшихся в международной обстановке высших чиновников – дипломатов и министров. Но, с другой стороны, у короля были и сильные противники. На востоке Франции герцог Бургундский Карл Смелый, племянник короля, создал громадное так называемое «промежуточное государство» (между Францией и Германией) в составе собственно Бургундии, Нидерландов и части прирейнских земель. Карл Смелый мечтал захватить обе стороны Рейна, подчинить себе Швейцарию и таким образом образовать новую великую державу, которая была бы очень опасна для Франции. Да и другие крупные феодалы Франции были еще далеко не добиты. Обширное герцогство Бретань, в случае союза с Бургундией, представляло немалую опасность... Могущественным феодалом был граф Сен-Поль, коннетабль Франции (т. е. главнокомандующий), владевший в то же время собственными землями на северо-востоке Франции. На юге были особенно сильны Арманьяки; к ним принадлежал и герцог Немурский. Правда, Арманьяки были давними врагами бургундских герцогов, но теперь они готовы были объединиться с Карлом Смелым для борьбы с таким грозным противником, как Людовик XI Валуа. Десяток таких крупнейших феодалов, объединившись, организовали союз, получивший громкое имя – «Лига общественного блага». Для Людовика предстояла серьезная задача: разбить эту лигу. Каждый из феодалов в отдельности (за исключением герцога Бургундского) для короля был не страшен. Но лига в целом представляла большую опасность. Вся первая половина царствования Людовика XI проходит в борьбе с феодальной лигой. Применяя метод подкупов, широко практикуя организацию восстаний против феодалов их подданных (например, попытки поднять против герцога Бургундского Фландрию, особенно Льеж), а также используя несогласие и недоверие, царившие в лагере союзников, Людовик в конце концов восторжествовал. Лига развалилась. Сам Карл Бургундский был отвлечен борьбой со Швейцарией и в 1477 г. погиб в битве при Нанси. Тогда началась расправа. Сен-Поль, Арманьяки и десятки других феодалов были арестованы, подвергнуты пыткам и казнены. Королевский советник кардинал Балю за соучастие в заговоре был посажен в железную клетку. Земли мятежных феодалов были присоединены к короне, в том числе и Бургундское герцогство (за исключением Нидерландов). В кровавой расправе Людовика XI с феодалами больше всего проявились черты новой, абсолютной монархии, устанавливавшейся во Франции. Воля короля – закон. Феодальные вольности, суд равных (суд пэров), ссылки на традицию – все это отброшено прочь. Король не созывает Генеральных штатов, не держит советов с вельможами. Исполнителями его воли и его приближенными являются простые, выдвинутые часто из ничтожества люди (вроде палача Тристана). Только в обществе этих «куманьков» король чувствует себя в безопасности. Королевская тирания не легко переживается страной. Гнет налогов, грабежи и произвол чиновников и королевских любимцев были безграничны. Король боялся новых заговоров и покушений на свою жизнь. Он ненавидел знать, но он боялся и не доверял также и горожанам, не говоря уже о народных массах. Мрачный замок Плесси де ла Тур, защищенный тысячами западней и ловушек, охраняемый иноземной шотландской стражей, стал единственным приютом старого короля.

Абсолютизм, сыгравший на определенном этапе развития свою прогрессивную роль, тем не менее при самом своем появлении на свет обнаружил полностью свои отрицательные черты – деспотизм, произвол, издевательство над личностью, гнет по отношению к массам. Борясь с крупными феодалами, королевская власть продолжала все же оставаться феодальной по своему существу. Лишая крупных феодалов политических вольностей и самостоятельности, король удерживал за всем дворянством его социальные привилегии. Крестьяне и городские трудящиеся массы в условиях централизованного государства подвергались еще большей эксплуатации, хотя они и освобождались от ряда бедствий, связанных с феодальной анархией, с феодальной раздробленностью страны.

Роман немецкого писателя Альфреда Неймана «Дьявол» освещает именно эту эпоху Людовика XI. В романе современный читатель отметит немало недостатков. Герои произведения выглядят слишком модернизированными. Их рассуждения, понятия, чувства очень сложны; они характеризуют больше психологию современного европейского буржуа, чем человека XV в. И сам Людовик XI, и его «двойник», «дьявол», старшина гентского цеха брадобреев Оливер Неккер, проникнуты сознанием глубоко политической важности своего дела. «Интересы королевства», «династии», «будущее Франции» – это, так сказать, их «символ веры», во имя которого они готовы идти на любое преступление, на любую жертву. Не совсем психологически оправдана сама дружба Людовика с Неккером. Автор подчеркивает сходство их натур: «Король – это Неккер», «Неккер – это король». Оба злы, энергичны, оба погружены с головой в интриги, «политику». Но факты, казалось бы, должны были привести к столкновению между «друзьями». Король отнимает у Неккера его горячо любимую жену; Неккер переживает трагедию хотя и мучительно, но на редкость «политично». Он прощает королю даже смерть любимой Анны. Ни слова упрека. Для Неккера выше всего интересы государства, интересы короля. Едва ли это правдоподобно.

И Людовик XI, и Неккер у Неймана не прочь порисоваться своим благородством. Простой факт естественной расправы знати с временщиком после смерти старого короля автор облек в драматичную форму «героического самопожертвования». Неккер сам отдается во власть врагов, терпит пытки и казнь только для того, чтобы вся тяжесть ответственности пала на него, а не на короля. Между тем весь характер Неккера, вся история его детства, молодости, предшествующие авантюры по существу резко противоречат такому «красивому» концу.

Ряд фактов в романе не точен. Например, обвинения Людовика XI и его приспешников в убийстве принца Карла опровергаются позднейшими исследователями. Набожность и суеверие были характерны не только для последних недель жизни Людовика XI, но и для всего его царствования. Король по-своему был очень верующим человеком. Между тем в романе и Людовик XI и Неккер изображены почти как вольнодумцы, чуть не вольтерьянцы своего времени. Рисуя последние дни жизни Людовика, Нейман сбивается на трафаретную тему о том, как больной король, привыкший всю жизнь торговаться в политике, стал теперь перед смертью торговаться с Богом, желая продлить свою жизнь.

Все же, несмотря на указанные недостатки, роман Неймана читается с интересом. Композиция романа весьма драматична. Характеристики главных действующих лиц, как исторических, так и вымышленных (Неккер и его жена), весьма ярки и соответствуют историческим данным. В частности, образы Людовика XI и Карла Смелого Бургундского написаны на основании изучения большого документального материала. Сама завязка романа – дружба Людовика XI с простым брадобреем – не вызывает возражения. Близость короля к неаристократическим элементам (точно установленный факт) вполне понятна в условиях ожесточенной борьбы с феодалами. Также удачно взято и самое прозвище Дьявол (Mauvais), или Нечистый. В XV в. вера в дьяволов, ведьм, колдовство в Европе особенно процветала. Ловкий, энергичный, удачливый, стоящий выше среднего уровня человек очень легко получал репутацию «дьявола» или «колдуна» даже при отсутствии с его стороны особого желания мистифицировать публику.

Достаточно ярко автором показана в романе оппозиция феодалов. Свидание в Перонне – действительно исторический факт; это один из самых критических моментов царствования Людовика XI, когда король запутался в собственных тенетах (политика организации восстаний во Фландрии). Напрасно лишь автор употребляет выражение «фронда». Исторически это понятие возникло только в XVII в., когда этим именем было прозвано последнее выступление оппозиционной знати против короля (движение 1648–1653 гг.), которое не имело уже серьезного значения. Употребляя неправильно этот термин, автор и в данном случае допускает известную модернизацию.

В. Семенов

Книга I

Глава 1. Процессия

Воистину Гент не отличался благонамеренностью. Дух мятежа не спал в нем и в тот день, когда молодой герцог, уже прославленный под именем графа Шаролэ, мирно въезжал в город после брюссельских коронационных торжеств. Гент ничего не позабыл и не задумываясь одновременно давал в стенах своих место гостеприимству и политическому шантажу, верноподданническим излияниям и насилию, Богу и дьяволу. Колокола святого Якова и святого Баво приветствовали гостя и служили сигналом к восстанию.

Герцогская свита была многочисленна, но на рыночной площади собралось вооруженного народа в десять раз больше. Государь медленно проехал сквозь толпу, спокойно и сдержанно приветствовавшую его. Он не отвечал на приветствия.

– У них слишком много оружия, – заметил он графу Кревкеру, ехавшему с ним рядом.

Перед ратушей в парадном строю и при оружии его встретили знатные бюргеры. Городской старшина держал весьма холодную приветственную речь. Тем временем смутный шум ближайших уличных процессий становился все громче. Резким движением руки герцог остановил говорившего.

– Что это значит? – спросил он.

– Процессия святого Льевэна, – спокойно ответил старшина.

– Она мне кажется весьма шумной и удивительно несвоевременной, – ответил герцог и повернулся в седле. Голова процессии достигла в это время задних рядов герцогского эскорта. Яркое июньское солнце горело на пиках и шлемах. Герцог воскликнул, не спуская глаз с процессии:

– Они вооружены с ног до головы, господин старшина!

– Таков обычай нашего города, ваше высочество, – ответил тот.

Справа от священнослужителя, несшего ковчежец с мощами святого Льевэна, шагал Дьявол. Он сказал коренастому человеку, шедшему по левую руку от каноника:

– А что, Даниель, наш добрый святой знает свой путь?

Даниель, смеясь, кивнул ему в ответ головой. Тут оба они прижались плечами и руками к канонику, движения которого и без того стеснены были ношей, сдавили его и подтолкнули к возвышавшейся за несколько шагов впереди на площади таможенной будке, где взимались принудительные герцогские сборы и пошлины. Ковчежец уперся в ветхую деревянную постройку. Дьявол повернулся и, выпрямив свое худое, длинное, несколько согбенное тело, поднял руки вверх и закричал пронзительным голосом:

– Люди добрые! Милосердный святой желает здесь пройти, не склоняя главы!

Тотчас же из процессии выбежали мужчины с трамбовками, топорами, ломami и бросились, гогоча, на будку. Через несколько минут процессия уже попирала ногами развалины будки и с ревом: «Вольности и права Гента! Исконные наши вольности!» – выкатилась на середину площади. Находившиеся там вооруженные бюргеры были оттиснуты к ратуше и, преднамеренно или нет, тесным кольцом окружили герцога с его свитой.

Герцог, закусив губы, обвел быстрым взглядом побледневшие лица своих спутников, спокойные фигуры представителей города и выросшую возле него сплошную стену вооруженных людей. Потом, овладев собой, он спокойным голосом обратился к старшине:

– Магистрат не удивляется тому, что процессия превратилась в демонстрацию?

Старик выдержал его взгляд.

– Нет, ваше высочество, – отвечал он.

Помолчав с минуту, герцог, выпрямившись в седле, проговорил громким голосом:

– Мы благодарим Совет старшин нашего доброго города Гента за прием. Мы прибыли сюда, чтобы выслушать справедливые жалобы и притязания. Мы готовы принять просителей в ратуше.

Шесть дней длились переговоры в ратуше, и шесть дней герцога держал в осаде вооруженный народ. В первый день было получено герцогское согласие на уничтожение зерновой подати, на второй – разрешено открытие трех запертых городских ворот, на третий – подтверждено право созыва ополчения семидесяти двух цехов (и вот уже развеваются на рыночной площади семьдесят два знамени), на четвертый – право избрания городского старшины, на пятый – объявлена амнистия за проступки, связанные с оскорблением герцогского высочества, на шестой – добились назначения городских комиссаров для контроля над герцогскими чиновниками. Все это были старинные права и вольности города Гента.

Теперь народ стоял стеной на площади и криками «ура» приветствовал уезжавшего герцога; его высочество не отвечал на приветствия.

Дьявол по имени Оливер Неккер, старшина цеха брадобреев города Гента, был слишком умен, чтобы во время переговоров выступать в роли, аналогичной той, которую он выполнил в деле святого Льевэна. Неккер издавна знал, что граф Шаролэ обладает удивительной памятью на лица, такой памятью, что годы спустя он при удобном случае предоставляет своему палачу расправиться с теми, кто некогда встал ему поперек дороги. Дьявол был убежден, что герцог не утратил этого дара прежних дней и что опасаться отсутствия удобного повода для проявления этой способности тоже не приходится.

Потому-то и случилось так, что мейстер¹ Оливер и его подмастерье Даниель Барт сопровождали святого Льевэна лишь до таможенной будки и исчезли, когда процессия проходила через ее развалины. Равным образом произошло и то, что прекрасная Анна, как звали молодую жену Оливера, осветила своей обворожительной улыбкой сумрачный зал цехового совета и темное, иконописное лицо старшины; сообщив, что муж ее слегка нездоров, она упростила от его имени красноречивого старшину дубильного цеха отстаивать перед герцогом цеховые интересы брадобреев. Дубильщик Жан Коппенхелле был потрясен ее светлым, скользнувшим по нему взглядом и втайне наслаждался этим потрясением. Председательствовавший Питер ван Экке, забыв при виде ее белых зубов свой возраст и свое положение, сперва выразил официальную благодарность мейстеру Оливеру за проявленный им патриотический образ мыслей и за верность общему делу, а потом, перегнувшись как бы случайно через стол и утирая слюни, стал поглаживать с отеческим покачиванием головы ее обнаженные руки. Когда прекрасная Анна удалилась, а достойные мужи не видели уже больше уверенных движений ее фигуры, в зале заседаний стало снова сумрачно и темно.

Тем временем мейстер Оливер брил толстого суконщика, мало говорившего и, видимо, боровшегося со сном. Впрочем, брадобрей, внимательно наблюдая за ним, заметил, что глаза клиента поблескивают весьма бодро сквозь белесые ресницы; вероятно, для того, чтобы испытать ровность кожи, он коснулся на минутку рукою дородных щек суконщика. Тотчас же ощутил он условное пощелкивание языком во рту. Быстро выпрямившись, Оливер оглядел других клиентов, которых обслуживал Даниель с подмастерьем, а также нескольких горожан, споривших о текущих событиях у открытых дверей его цирюльни. Он слегка покачал головой; суконщик тем временем вытирал себе лицо, не спуская с него глаз.

Вдруг на улице раздался басистый голос, заглушивший шум спора.

– Ах, граждане, граждане! – гудел он. – Как вы близоруки и тупоголовы! Ведь герцог не сказал еще своего последнего слова, а если и скажет его, то все равно ненадолго. А если

¹ *Мейстер* – сокращенное латинское «магистр» – обозначало: господин, хозяин, мастер.

и всерьез скажет, то мы в лучшем случае попадем из бургундского кулька во французскую рогожку².

Оливер сощурил слегка глаза под взглядом купца и воскликнул своим высоким, пронзительным голосом:

– Хо, хо, Питер Хейриблок, когда же, по твоим расчетам, герцог сделает тебя своим сборщиком податей?

Из кучки перед лавкой отделился коротконогий, широкоплечий торговец и, посмотрев серьезными глазами в лицо мастеру, спокойно сказал:

– Тогда, когда король Франции сделает Дьявола своим брадобреем.

Даниель Барт раскатисто засмеялся:

– Тогда придется христианнейшему лису³ бриться при помощи ложки, по нашему гентскому обычаю.

Под шум поднявшегося смеха Оливер наклонился к суконщику и быстро спросил:

– А у вас есть для меня образчики материй, почтеннейший?

Толстяк встал и потянулся, утвердительно кивнув головой. Оливер сказал ему тихо:

– Выйдя из лавки, сверните налево в переулок и входите поскорей в первую дверь.

При этом он отряхнул суконщику платье и бросил через плечо:

– Воистину, Питер, для нашего города выгоднее иметь Дьявола во Франции, нежели герцогского заступника в Брюсселе. Ведь приходится серьезно пораскинуть умом-разумом, когда все ставишь на карту. Ну, да мы едва ли пойдем друг друга, тем более что я могу избавить тебя всего лишь от твоей щетины на подбородке, а никак не от страха за судьбу твоих векселей в Брюгге и Льеже. Поэтому иди-ка сюда и садись.

Присутствовавшие одобрительно засмеялись, а Хейриблок, пожимая плечами, неуклюже повиновался; тем временем толстый суконщик успел уже выйти на улицу. Намыливая лицо Хейриблока, Оливер шепнул:

– Вот тебе хороший совет, дружище Питер: держи язычок за зубами в такое смутное время. Я должен тебе откровенно сказать, что некоторые из старшин считают тебя агентом герцога. А ты ведь знаешь, чем пахнет такое подозрение? Итак, будь благоразумен.

Торговец с опаской взглянул в сторону и промолчал. Внезапно смолкли и беседовавшие перед лавкой горожане. Оливер поднял голову и увидел, что все они с улыбкой смотрят в одном направлении. Он тоже усмехнулся: выражение их засветившихся глаз было ему очень знакомо. Прекрасная Анна шла, лаская взоры своим обворожительным видом; поблагодарив приветствовавших ее спешными короткими фразами и жестами, она вошла в лавку. Лицо Оливера, с его тонкими губами, суровой линией впалых щек, глубоко сидящими, сердитыми, неопределенного цвета глазами, сделалось мягче, добродушнее и моложе, стало теплым и как бы освещенным солнечным сиянием, когда жена подошла к нему.

– Все обстоит благополучно, – сказала она и улыбнулась.

В комнате стало опять светлее. Теперь ее провожали взоры мужчин, глядевших ей вслед: смотрели те, кто стоял перед лавкой, поворачивали намыленные свои физиономии ослабившиеся клиенты, подмастерья глядели с рабским восхищением, а Даниель Барт – с почтительной и нескромной гримасой. Ее спина, привыкшая чувствовать восхищение и тайное желание во взорах, только что скользивших по ее лицу, ответила на это движением обнаженного затылка, едва заметным и все же опьяняющим трепетанием кожи, гордой осанкой женщины, которая знает, что ею любят. Ее муж Оливер наслаждался видом ее лица и лиц окружающих; он стоял с бритвой в поднятой руке и пристально разглядывал жену и стоящих за нею людей; он громко смеялся, но смех этот был неприятен.

² Т. е. из одного неприятного положения в другое.

³ Намек на французского короля Людовика XI, за свое коварство прозванного лисой.

Потом он шепнул жене несколько слов на ухо и опять нагнулся над Питером, единственным, кто не пошевелился.

В первой же комнате, которая оказалась незапертой, она увидела толстого иностранного купца; он спокойно лежал на мягкой скамье и медленно выпрямился, заслышав шаги. При виде женщины он поднялся довольно быстро и светски учтиво поклонился ей.

– Оливер очень скоро придет, – приветливо сказала она и предложила ему вина. Посетитель выпил за ее здоровье и начал непринужденный разговор, оживившись в присутствии дамы. Анна слушала его, слегка улыбаясь.

– Простите меня, сударь, – перебила она мягким голосом, – но, когда хотят играть роль суконщика, надо не только уметь носить его платье, но и усвоить его манеры. Вам следовало быть или менее галантным, или же по моей проницательности понять, что я являюсь доверенным лицом моего мужа.

Гость тихо засмеялся.

– Раз уж вы невысокого мнения о светскости почтенных суконщиков, сударыня, – сказал он, – я должен в угоду вам сознаться, что я не из их числа. Но вы меня простите, если на первый раз я вам больше ничего не скажу; мои дела так сложны и в то же время так ответственны, что я предоставляю вашему мужу объяснить их вам.

– О, сударь, – остановила она его, – как бы я ни была любопытна, я ничего не хочу знать о ваших делах. С меня совершенно достаточно, – прибавила она тихо и наклонилась к нему через стол, – с меня совершенно достаточно, что великий король не посылает больше к нам разную шуштуру, цыган, подмастерьев, менял, а прислал одного из своих придворных.

Гость был поражен и, покраснев, приподнялся с места.

– Ну, ну, сударыня, – пролепетал он, – ваш ум, по-видимому, так же опасен, как и ваша красота. – И, глядя на нее как-то особенно, он прибавил: – Я вижу, вы далеко пойдете.

Анна рассеянно посмотрела на него большими серыми глазами, зрачки которых были сильно расширены.

– Так далеко, – сказала она медленно и чуть слышно, – так далеко, как того пожелает наш общий хозяин.

Мужчина с незнакомым ему доселе волнением сжал ладони.

– Это король? – спросил он, поежившись.

– Нет.

– Бог?

– Нет.

– Дьявол, полагаете вы?

Женщина не отвечала и на минуту закрыла глаза. Затем она сказала:

– Он идет.

– Я не слышу.

– Я это знаю.

Гость провел по лбу рукой и смущенно оглядел мрачный покой, скудно обставленный громоздкой мебелью. Он кашлянул, как бы желая избавиться от какой-то тяжести, давившей ему грудь. Только теперь стукнула дверь и послышались легкие быстрые шаги. Оливер стоял на пороге. Анна засмеялась.

– Этот господин лишь тебе одному, Оливер, хочет показать свое умение ткать, – сказала она, – но это, конечно, не из недоверия, а из учтивости. Оказывается, у французских суконщиков манеры придворных.

Их взгляды встретились, и Оливер слегка поднял брови; приветствуя посетителя движением руки, он произнес несколько торжественно:

– Сеньор! Любезная жена моя Анна во всех моих делах, и, в частности, в том, которое привело вас ко мне, пользуется моим полным доверием, и она его заслуживает. Вы можете

говорить при ней все, что нужно, если только, конечно, – здесь он остановился на секунду и оглянулся по сторонам, – вы не предпочитаете быть со мной наедине.

Посетитель колебался ответить, и Оливер дал знак своей жене удалиться. Гость из вежливости сделал протестующее движение. Анна, уже стоя в дверях, сказала с усмешкой:

– Ах, Оливер, нас рассматривают с тобой не как одно целое, но как двоих.

Она тихо закрыла за собой дверь. Оливер с выжидательной учтивостью посматривал на гостя и, по-видимому, не был сам расположен начинать разговор. Посетитель некоторое время собирался с мыслями. К нему вернулась его уверенность, весьма нужная ему в этой неопределенной и несколько жуткой обстановке.

– Прежде всего один вопрос, мейстер Оливер, – начал он сдержанным тоном, – знает ли еще кто-нибудь, кроме вашей жены, о наших отношениях и о вашей службе у короля? Я имею в виду: работаете ли вы с кем-нибудь вроде организации – что я нашел бы опасным и не соответствующим нашей политике – или же вы один, как это у нас до сих пор было принято?

Губы Оливера стали еще тоньше; он произнес медленно:

– Король оплачивает чистым золотом чистую работу. Других отношений между нами нет. Что же касается способа действия, то это мое дело. Зачем вам надо его знать?

Посетитель, стараясь поймать взгляд Оливера, ответил не сразу; наконец он тихо произнес:

– В данный момент меня поразила одна мысль, и мне нужно только ваше подтверждение, чтобы я мог окончательно преклониться перед проницательностью моего высокого повелителя. Весьма возможно, мейстер Оливер, что король думает именно о других отношениях, к своей и еще больше к вашей выгоде.

Оливер быстро поднял голову:

– Позвольте узнать, сударь, кто вы такой?

– Я Жан де Бон, советник короля.

Оливер тихо рассмеялся:

– Советник короля, сеньор де Бон? Это я называю, скромно сказано. Гениальный человек, выбивающий из народа деньги так, как Моисей с жезлом Господа Бога выбивал воду из скалы, мог бы по-иному о себе говорить! Хорошо! Хорошо! Такой посол делает мне честь, и его туманные вопросы и ответы начинают меня интересовать. Может быть, вы желаете услышать заверение, что я настойчиво и в одиночку преследую свою временную цель, подобно тому как великий король преследует свои великие цели. И что я работаю по дешевке с помощью всего лишь двух пособников, созданных мною: с Анной, женой-красавицей, и Даниелем Бартом, моим старшим подмастерьем, моим детищем, который послушанием и сильными мускулами восполняет недостаток разумения. Но великому королю, видно, недостаточно тех трех достойных удивления паладинов⁴, которые у него уже имеются: выколачивателя денег, палача и кардинала, такого тонкого политика и такого снисходительного духовника. Ну, теперь, сеньор, я могу себе ясно представить, кого именно недостает еще королю.

Жан де Бон, слушая с напряженным вниманием, покачал раздумчиво головой.

– Мейстер, мейстер, – предостерегающе сказал он, – вы ведете нас к таким безднам, от которых может захватить дыхание. Но я сам дал разговору такое направление, а потому и не хочу поворачивать назад. Итак, кого же недостает королю?

Оливер скривил рот:

– Жаль, что вы сами этого не знаете, сеньор де Бон, потому что ведь вы как раз по этому делу сюда и приехали. К тому же вы только что слышали ответ этот из грубых уст гентского горожанина.

⁴ Паладин – придворный вельможа.

– Вот это-то и заставляет меня сомневаться, – перебил его Жан де Бон. Оливер остановил его движением руки.

– Хорошо, – сказал он, – я понимаю; об этом мы еще поговорим. Теперь же позвольте мне вам ответить, раз уж вы этого так желаете. Если я скажу: королю нужен брадобрей, это не значит еще, что ему нужен именно Оливер. Если я скажу: королю нужен Оливер, то вы и двое ваших сотоварищей, которые по самому роду своих занятий опаснее вас, чего доброго, возненавидите меня как своего конкурента. Поэтому я помогу и вам и себе и отвечу: королю не хватает такого четвертого, который не должен быть ни предметом восхищения или возвеличивания, ни финансистом, ни палачом, ни исповедником, – кого королю не хватает, так это Невидимки. Больше я вам ничего не скажу. Передайте это его величеству и спокойно подивитесь его дальновидности, как это делаю я.

Жан де Бон встал и прошелся по комнате.

– Я вас боюсь, – сказал он тихо, – а в своей жизни я не часто испытывал страх. Почему, Оливер, вы не боретесь против клички, которую вам повсюду дают? Ведь и король тоже называет вас Дьяволом.

Мейстер повел плечами и скверно засмеялся.

– Со своим прозвищем я свыкся, сеньор де Бон. Я ношу его уже тридцать лет, а мне сейчас тридцать шесть. Оно редко вредило мне и часто приносило пользу. К тому же, – прибавил он насмешливо, – если меня так называет христианнейший король и все-таки охотно поддерживает со мной отношения, то, думается мне, это прозвище все же кой-чего стоит.

Оба некоторое время помолчали. Жан де Бон задумчиво прохаживался по комнате взад и вперед; Оливер следил за ним.

– Возможно ли, – спросил внезапно придворный, – чтобы сторонники герцога в городе разрушили успех нашего предприятия?

– Нет, – возразил Оливер, – в настоящее время они в меньшинстве, а потому их и не слышно; к тому же их вожаки арестованы. За минуту перед этим я думал было о том, чтобы засадить тоже и виноторговца Хейриблока, который своей игрой слов, по-видимому, все еще беспокоит вас. Ведь ваш вопрос касается также и его, не правда ли, сударь? Но он безвреден и лишь случайно попал в точку своим злым словом. Устрой я его арест, и он сочтет себя и свою шутку серьезней, чем это есть на самом деле. Я его предостерег, когда брил, и этого с него достаточно.

– Но вы могли бы все-таки устроить его арест? – спросил посетитель.

Оливер взглянул на него с удивлением:

– Неужели вы столь мелочны или все еще столь недоверчивы, сударь, что требуете от меня подобного доказательства? Разве такой примитивный навет, который в наше время удался бы любому школьнику, может возвысить меня в ваших глазах?

Жан де Бон остановился и стал смотреть на дубовый стол, отделявший его от Оливера. Он искал слов, не глядя на собеседника.

– Конечно, нет, мейстер, – сказал он наконец раздумчиво. – Что нам за дело до этого маленького кляузника? Но весьма возможно, что мы заинтересованы в том, чтобы вы заняли официальное положение в городском совете; положение это вы, конечно, можете занять, не вызывая ничьих подозрений, в качестве лояльного и ревностного гражданина; это было бы полезно для нашей политики, причем в случае опасности вы всегда могли бы удалиться к нам.

Оливер протянул руку и прикоснулся своими длинными, тонкими пальцами к рукаву королевского посланца, который вздрогнул от этого прикосновения.

– Смею ли я, – сказал он с тонкой усмешкой, – просить вас честно ответить мне: эта мысль – ваша или короля?

Он подождал с минуту; когда же увидел, что собеседник не может побороть своего недовольства, заговорил приветливо и с приятными жестами:

– В таком случае простите мне мой вопрос, сударь, и послушайте, почему королю, по моему мнению, не могла прийти в голову подобная мысль. Ведь если политика нашего города стала бы еще активнее с точки зрения французских интересов, а я явился бы открытым ее проводником, то через шесть недель или шесть месяцев герцог приказал бы меня четвертовать на нашем еженедельном базаре или же на Большой площади в Брюсселе. Цепи общественной должности оказались бы слишком тяжелыми, чтобы в нужную минуту я мог улететь во Францию; к тому же если бы побег и удался, то громкая слава бежавшего мэра стала бы роковой для будущего королевского брাদобрея, который должен точить свои бритвы втихомолку. Таким образом, вам следует понять, сударь, – прибавил он, тихо и насмешливо улыбаясь, – что король прав, ибо представители теперешнего магистрата благодаря их политике, которую я им внушаю, могут в один прекрасный день оказаться в подземной темнице и умереть там естественной смертью. Что же касается меня, то в нужную минуту я всегда буду иметь достаточно времени, чтобы без шума исчезнуть и очутиться во Франции; в том же случае, если король не захочет меня принять, я могу бежать в Анжу, Кастилию, Милан, Венецию или Флоренцию, где мой талант встретит должный прием.

Тут Жан де Бон взволнованно ударил кулаком по столу и нагнулся к Оливеру:

– Значит, вы полагаете, что ваша проделка не упрочила независимости Гента и что герцог, освободившись, снова изменит создавшееся положение?

– Конечно, он попытается это сделать, – отвечал Оливер хладнокровно, – конечно, он будет иметь успех, конечно, город будет опять и опять бунтовать.

Он посмотрел на придворного серьезным взглядом и продолжал:

– Все это дешево стоит, сударь, и король, несомненно, знает, что в политических превратностях нет ничего окончательного. Мое призвание – будоражить массу, чтобы она не стала ручной; быть же ее организатором не моя специальность.

– Как долго будет герцог задержан? – спросил посетитель.

– Самое большее неделю, если город не захочет опять войны, а он ее не захочет.

– Не больше как неделю, – задумчиво повторил посетитель, – а потом он опять на свободе?

Снова наступило молчание. Жан де Бон подошел к окну и стал барабанить по свинцовому переплету темных рам. Оливер наблюдал за ним с крайним напряжением. Потом, как бы не в состоянии выдержать дольше, он подошел вплотную к посланцу. Тот повернул голову и уставился прямо в лицо мейстеру. Его плечо при легком повороте коснулось руки Оливера.

– Какой вопрос, какой еще вопрос короля у вас в запасе, мессир де Бон? Какой злодейский вопрос?

Мессир Жан смотрел на него как заколдованный, кровь бросилась ему в голову. Оливер отступил на шаг и вымолвил серьезно:

– Передайте также королю и следующее: если какой-нибудь аркебуз – а я, я мог бы сунуть таковой в руку Даниеля Барта – в удобный момент застрелил бы герцога, то в ту же минуту мой подмастерье, к которому я привязан, моя жена Анна, которую я люблю, и я, чья смерть будет иметь плохой оборот для короля, – все мы повисли бы на двускатной крыше Бельфрида. Но эта искупительная жертва не спасла бы город от гибели. Если короля, что весьма возможно, не смущает смерть ста тысяч людей за одну эту смерть, то ведь должен же он согласиться, что мне-то не безразличен вопрос о моей жизни, о жизни моей Анны, моего подмастерья, а пожалуй, и вопрос о существовании моего города! Час герцога еще не пробил; судьба не уготовила великому королю столь легкого успеха.

Жан де Бон продолжал смотреть на говорившего; его обвислые щеки дрожали от волнения.

– А если король хотел слышать именно такой ответ, мейстер? – спросил он тихо.

Оливер злобно рассмеялся.

– Вы рыцарски покрываете своего господина, мессир, – сказал он. – Конечно, Людовик должен услышать именно этот ответ, раз у него нет возможности заплатить за выстрел.

Он засмеялся еще громче:

– Не находите ли вы, Жан де Бон, что я выдержал испытание?

Посланник короля провел рукой по глазам.

– Зато я его не выдержал, – произнес он, как бы говоря самому себе.

В тот день, когда исконные вольности были возвращены Генту и герцог покинул город, посланец короля, опять посетив Оливера, передал ему пять тысяч серебряных талеров и королевское предложение занять должность придворного брадобрея и первого камердинера.

– Хорошо, я скоро займу ее, – сказал Дьявол, усмехнувшись.

Глава 2. Неккеры

Неккеры были родом из деревни Тильт, расположенной на возвышенности к западу от Гента. Они были хлебопашцами, брадобреями, знахарями, ярмарочными шарлатанами, шпионами, наконец, просто мошенниками. Из поколения в поколение они наследовали: мужчины – рыжие волосы, костлявую физиономию и глубоко сидящие глаза, женщины – тоже рыжеволосые – гладкое, на редкость белоснежное и часто красивое лицо. Мужчины обычно женились поздно, выбирая очень молодых девушек, преимущественно валлонок, за верностью которых они следили с нарочитым рвением. Женщины из семейства Неккер большей частью исчезали в городах Фландрии и Северной Франции и жили там в качестве публичных женщин или наложниц больших господ; своим братьям, которые, по-видимому, мало заботились о них, они не напоминали не только о родстве с ними, но даже о своем существовании. Впрочем, как это ни странно, братья часто оказывались наследниками их состояния, иногда довольно значительного. Таким образом поддерживался в этом роду несколько подозрительный достаток; выказывали его Неккеры, однако, не без достоинства и употребляли так умно, что сограждане не слишком к ним придирались. Как это ни странно, но вся та двусмысленность, все то подозрительное, что присуще было Неккерам, никогда не возбуждало ничьего внимания, а тем более презрения. Мудрая семейная политика, всегда делавшая старшего сына наследником крестьянского хозяйства и как бы носителем крепких традиций и устоев и предназначавшая прочих сыновей для бродячих промыслов, связанных с использованием их дьявольских способностей, снискала Неккерам благоволение общины, несмотря даже на то, что время от времени кто-нибудь из шарлатанов и кончал свою жизнь на виселице вдали от родины. Равным образом в результате поразительной семейной дисциплины ни один тильтский Неккер никогда еще не был уличен своими местными властями в каком-нибудь нечестном поступке. К тому же явное умственное превосходство Неккеров над их односельчанами было не только признано, но даже санкционировано путем предоставления им общественных должностей, которые в конце концов стали чем-то вроде наследственного звания у старшего в их роде. Оторванность старшего Неккера от авантюристических судеб его братьев и сестер – оторванность чисто внешняя, потому что связь с ними умно поддерживалась под сурдинку, – делала то, что общественное положение старшего не страдало от греховных походов его родственников. Так, например, дед Оливера, Жилль Неккер, стал бургомистром в тот самый год, когда его младший брат был казнен в Орлеане за убийство на политической почве; так же и отец Оливера остался бургомистром Тильта и старшиною Гента, несмотря на то что римская инквизиция сожгла его брата Кареля за чернокнижие.

Оливер, младший из четырех детей Клаэса Неккера, был его вторым сыном. Он родился, когда отцу было уже шестьдесят лет, а меланхоличной красавице матери – тридцать пять. Рождение ребенка стоило ей жизни, за которую она, впрочем, не особенно держалась. Неумелая повивальная бабка оцарапала ее ногтем, и у нее сделалось заражение крови. Она умерла после родов, и тело ее, раздувшись, стало твердым, как дерево. Во время болезни она мало жаловалась; мало жаловался и муж после ее смерти. При жизни она тоже редко плакалась, редко перечила и казалась всегда утомленной и грустной, не находя иного ответа на суровость мужа и на тяготу рабской своей доли. Она была тихой деревенской девушкой из графства Артуа, слишком красивой, чтобы не обращать на себя внимания, и слишком бедной, чтобы иметь возможность самой выбрать себе мужа. Благодаря простой случайности ее мужем оказался Клаэс, которому она и была продана. Она терпеливо сносила его похоть и его побои, рожала ему детей, следила за его домом, втайне пугаясь дикого, чуждого ей нрава тех существ, которых вынашивала ее утроба; с течением времени становилась она все более одинокой, пугливой, страдающей, охотно уступала престарелому мужу, не отказывая ему ни в чем, и скоро уже

не знала, молода она или же стара, как и тот, кто разрушал ее тело со странной, мучительной ненавистью. Наконец она умерла, охотно и без сопротивления, как глубокая старуха.

Вскоре после ее смерти Клаэс женился на тяжеловесной широкобедрой двадцатилетней горожанке из Гента, Элизе фон Клерк, которая, став его женой, неожиданно утратила свою сонливость, энергично сломила протесты обеих дочерей и дворни и даже осмелилась противоречить мужу; обладая достаточной физической силой, она была в состоянии сдерживать бешеные порывы старика. Старший сын Неккера, Генрих, – одних с ней лет, неуклюже в нее влюбленный, – держал ее сторону.

Оливер был замкнутым ребенком с недоверчивым взором, без чувства благодарности и без потребности в любви. Мачеха смотрела за ним, повинуюсь присущему ей чувству долга. Она его не любила и часто испытывала к нему отвращение, которое казалось ей необоснованным и несправедливым и которое она старалась несколько смягчить бурными и шумными ласками. Но в таких случаях ребенок лежал у нее на руках, как полено, с повернутой куда-то в сторону головой и с гримасой отвращения на лице. Когда ему минуло пять лет, он стал в подобных случаях царапать и кусать ее, а колотушки переносил без крика. Он вообще не плакал и никогда не играл с детьми. Шныряя бесшумно по двору, он бил окна и посуду, прорезал мешки с зерном, клал сажу и червяков в муку; с тихим усердием устраивал он всевозможные пакости, редко бывал уличен и совершенно хладнокровно допускал, чтобы люди и животные расплачивались за его проделки. Ему доставляло удовольствие пугать людей. Он сидел скорчившись в нишах, шкафах, темных проходах и выскакивал оттуда на проходящих. Он срастался с сумерками, со всякими ночными страхами, с искривленными деревьями, с листвою козьею жимолости и бросался на людей, кричавших от испуга. Он всегда оказывался там, где о его присутствии и не подозревали: прячась под кроватями или во ржи, он пугал спящих и мешал влюбленным; он наводил ужас на людей, подражая стонам умирающих, он качался, как повешенный, или шумел, как взломщик перед девичьей. Один вид его гримасничающего лица, поблекшего, худого и коварного, вызывал страх или отвращение. Прислуга звала его Дьяволом.

Клаэс, отец, мало обращал на него внимания, но вместе с тем не слушал и жалоб на него и никогда его не бил. Иногда, когда его самого не могли видеть, он наблюдал из темноты амбара или из-за двери в течение нескольких секунд за мальчиком с особым благоволением. Казалось, Оливер чувствовал скрытую благосклонность старика; в его присутствии или в его близости он был до известной степени приветлив и как-то фальшиво-невинно тих, что вызывало у мачехи покачивание головы, а у отца – усмешку.

Когда Оливеру было около двенадцати лет, произошло следующее. Он попытался изнасиловать девочку-однолетку, дочь батрачки; мачеха стала за это сечь его по голой спине плетью. Мальчик закрыл лицо левой рукой, впился в нее зубами и не издавал ни звука. В эту минуту в комнату вошел старик Клаэс; не говоря ни слова, вырвал он у жены плетку и ударил ее так сильно по голове, что она без чувств упала на пол. Оливер повернулся и молча посмотрел на отца. Клаэс, немного приподняв брови, некоторое время выдерживал этот взгляд, потом, закусив губы, быстро повернулся, бросил плетку в угол и хлопнул за собой дверь. Оливер присел на корточки возле лежащей мачехи и внимательно стал смотреть на узкую струйку, медленно бежавшую по черепу, и на кровь, шедшую из носа и ушей. Он наклонил осторожно голову и поцелуем отер кровь, смочившую лоб. Быстро выпрямившись, с непередаваемым смущением на лице, подбежал он к кувшину с водой, намочил платок, положил его на лицо мачехи и поспешно вышел из комнаты. Его не видели после этого целый день. Вечером Оливер, с серым лицом, смущенный, затравленный и грязный, появился за общим столом, соединявшим родителей, детей и прислугу; не приветствуя никого, уселся он без поклона на свое место. Клаэс ел молча и быстро; Элиза, сидевшая рядом с мужем, все еще несколько бледная и с темными кругами под глазами, внимательно посмотрела на мальчика, не сделав никакого замечания. После еды отец встал и, по обыкновению, ушел. Ушел и Генрих, пугливо, как всегда, поглядывая

через плечо на стол; обе сестры, слуги и служанки последовали за ними; болтая и смеясь, они исчезли в ночном мраке. Мачеха и Оливер остались одни. Они сидели за столом далеко один от другого и, разделенные пустыми стульями, глядели друг на друга. Она склонила голову под его горящим взором и покраснела. Он протянул руки на стол и сжал кулаки.

– Оливер, – спросила она тихо, – это ты положил мне платок на голову?

Он ответил сквозь зубы:

– Нет! – и, встав через минуту, направился к двери.

– Пойдем! – сказал он.

Она колебалась.

– Пойдем, – повторил он настойчиво, с лихорадочным взглядом. – Право, это стоит посмотреть.

Он коротко засмеялся и вышел во двор. В его словах и смехе была какая-то подзадоривающая осведомленность, было что-то противное, что возбуждало ее любопытство и делало ее послушной. Она последовала за ним и нагнала его у дверей. Молча шагали они по освещенной луной дороге к роще. Тут Оливер остановился и шепотом сказал ей, чтобы она сняла свои стучащие сабо⁵. Босиком прокрались они к хижине дровосека, откуда мерцал свет. Здесь жена увидела Клаэса, лежавшего около Гретье Хоувель, пятнадцатилетней служанки из Уденаарда. Элиза сделала движение, как бы желая броситься в хижину или закричать, но Оливер, стоявший сзади нее, обхватил ее, зажав правой рукой рот, а левой сдавил грудь; прижавшись лицом к ее спине, он взволнованно прошептал:

– Генрих!

С минуту, как оглушенная, подчинялась она этим объятиям. Потом, сильно оттолкнув мальчика, поспешно удалилась. Хотел ли того случай, чтобы она в поле на уединенной дороге встретила Генриха, или же это он подкарауливал ее за стогом сена? Его сильные руки подняли ее. Она не кричала и не сопротивлялась. Он понес ее в поле, задыхаясь и бормоча бессвязные слова, и осторожно опустил ее на землю.

Оливер, неподвижный, как столб, облитый лунным сиянием, стоял в воротах, загораживая вход, и ждал. Сперва явилась Элиза; она бежала, как бы преследуемая кем-то, и отпрянула при виде него. Тяжело дыша, уставилась она на мальчика широко раскрытыми глазами, смущенно и поспешно зашпиливая в узел распустившиеся волосы. Оливер молчал, лицо его было неподвижно. Его глаза в белом свете месяца казались так глубоко запавшими в своих орбитах, что женщине почудилось, будто ночь, просверлив ему голову в двух местах, проглядывала через них в бесконечный мрак. Женщина застонала и спросила совершенно изменившимся, чужим голосом:

– Ты ослеп, Оливер?

Мальчик не отвечал, но ей показалось, что он усмехнулся. Она закрыла глаза рукой, прижалась к воротам, чтобы его не задеть, и так прокралась мимо него мелкими, смиренными шажками. Он не обернулся в ее сторону.

Потом пришел Генрих, с опущенными руками и согнутой спиной. У ворот он поднял голову и не особенно испугался.

– Ах, это ты, Оливер, – сказал он грустно.

Однако ему, когда он пригляделся к мальчику, стало не по себе, и он залепетал смущенно:

– Я ее... не нашел... не нашел... Оливер, пожалуйста...

Наклонившись, он уставился прямо в глаза мальчику и вдруг ударил его по лицу. Оливер стукнулся о ворота, Генрих прошел во двор. Мальчик без единого звука боли или ярости покачал головой и опять встал на свое место.

⁵ *Сабо* (фр. *sabot*) – башмаки на деревянной подошве или выдолбленные из дерева.

Он ждал минут двадцать; тишина ночи шумела в его ушах. По временам лаяли собаки, из деревни доносились крики пьяных. Оливер стиснул зубы; ему вдруг захотелось плакать. Однако он не плакал. Пришла Гретье, напевая песенку. Она вскрикнула:

– Господи Иисусе! Мать Божья! – и, проходя мимо, тихо, убежденно добавила: – Дьявол!

Пришел и Клаэс, несколько склонившись вперед и шагая своими большими шагами:

– Что ты тут делаешь, Оливер?

Мальчик посмотрел на него долгим взглядом и заговорил тихо, почти без всякого выражения:

– Плетка еще в крови, а Гретье уже тут.

Клаэс, приоткрыв немного рот, посмотрел мимо говорившего и прислонился к стене, как будто вдруг почувствовал себя очень усталым. После длинной паузы он сказал с бессмысленным видом: «Да», поднял мальчика, поцеловал его в лоб и, закрыв ворота, понес в дом.

С этих пор Оливер, как тиран, воцарился над их нечистой совестью. Он никогда не грозил и не вымогал, но он удручал и мучил людей своим взглядом, своим серьезным видом, своим смехом, наконец, просто своим присутствием, ибо знал об их скрытых отношениях. Он больше не приближался к мачехе, и она тоже с этого дня молчаливо и как бы случайно отказалась от своей власти над ним и своего права воспитательницы и относилась к нему как к взрослому. Генрих постоянно старался разнообразными ласками загладить свой удар по лицу, но Оливер не давал себя ни подкупить, ни растрогать. Так же и по отношению к отцу, который в ту пору хотел с ним сблизиться, Оливер оставался холодным, отсутствующим и непроницаемым. Он не давал вырвать у себя своей тайной власти. Он знал, что две необузданные натуры, Элиза и Генрих, снова и снова сходились и что старческая привязанность Клаэса к молодой девушке все увеличивалась.

И эти трое тоже знали, что мальчику известен каждый их шаг и что от него зависит, предоставлять ли им удобные случаи или, напротив, создать препятствия; в такие моменты он еще больше мучил их своим присутствием.

Но настала наконец ночь, когда терпение Генриха истощилось. Он наполнил довольно объемистый мешок стеклом, истертым в мелкий порошок, и крадучись, босой, внес его в каморку Оливера. Но мальчик не спал. Он спросил в темноте:

– Кто там?

Брат стоял молча. Тогда Оливер, как бы видя во мраке ночи, воскликнул:

– Ах, Генрих!

У Генриха выступил на лбу холодный пот. Он подождал минуту-другую и, так как Оливер оставался неподвижным, прыгнул к кровати, взмахнул мешком и высыпал его содержимое.

– Ах, Генрих, – сказал за его спиной Оливер, уже прокравшийся тем временем к двери, – разве ты не знаешь, что я тоже сын твоей матери?

Он закрыл дверь на запор снаружи и промолвил сквозь ее створки:

– Этот песок должен был разодрать мне легкие, брат Генрих, я уже слышал об этом. Таким способом один человек в Брюгге извел много народу. Но почему же ты хочешь лишиться меня жизни, Генрих?

Брат не двигался, до крови кусая себе пальцы. Через минуту он снова услышал мягкий, низкий голос Оливера:

– Видишь ли, Генрих, я ничего не говорил отцу о тебе и Элизе, но завтра я ему скажу, завтра или послезавтра, лучше завтра утром, потому что завтра вечером ты снова попытаешься меня убить. А теперь спокойной ночи!

Он ушел и переночевал на сеновале. На следующее утро отомкнул он дверь своей каморки и нашел брата на кровати в глубоком сне. Он разбудил его. Генрих поднялся со смущенным лицом. Оливер спросил его со своей злой усмешкой:

– Ты выбросил в окно только песок, а почему не самого себя?

Генрих схватил его за руки и умолял:

– Не говори ничего.

Оливер сделал гримасу. Тогда Генрих поднял кулаки, но брат уже выбежал из комнаты. До полудня Генрих, снедаемый страхом, еще работал кое-как, наблюдая за отцом и Оливером, словно нечаянно бродившим около него. После же обеда и в течение остального дня, когда наблюдение за ними становилось все затруднительнее, неуверенность лишила его стойкости. Он приказал батраку, который должен был отвезти муку в Гент, остаться по какому-то поводу дома, а сам поехал в город. Он не вернулся; он отправился из Гента в Брюгге. Какой-то односельчанин доставил по его поручению повозку обратно и сообщил, что Генрих поехал по делам в Льеж. Так как подобного рода внезапные отлучки были в обычае у Неккеров, то на это сообщение не обратили особого внимания. Только Оливер криво усмехнулся. Элиза заметила эту усмешку, но она была из числа людей, которые мало спрашивают и многое молча переживают. Оливер не знал, скучала ли она о Генрихе или уже и не думала о нем. Он стал с нею приветливее.

Шесть недель спустя Генрих снова объявился в Генте и, без труда узнав, что дома не произошло ничего особенного, в тот же день прибыл в Тилт с деньгами, несколькими кипами тонких платков и значительным заказом на местные продукты. Прием был холодный, ибо у Неккеров чувства не были в почете. Клаэс кивнул ему головой. Элиза слегка улыбнулась и сказала:

– Добрый вечер, Генрих!

Оливер сделал вид, что не замечает протянутой ему братом руки.

И все-таки к одному человеку в это время он был добр без какой-либо преднамеренной цели или скрытой мысли, а именно к Луизе, самой красивой и самой опасной из его двух сестер. Когда ей минуло восемнадцать лет, она резко изменила свою еле заметную и отнюдь не шумную девичью жизнь. Ее пробудившееся тело некоторое время смущало лишь ее самое. Потом она быстро научилась пользоваться им, пленять им мужчин и находить в этом радость. В ту пору нашла она в Оливере, которого, подобно другим, доселе сторонилась – хотя и без проявления ярко выраженного к нему отвращения, – естественного союзника, помощника, гонца, передатчика и защитника. Им не было нужды друг другу открываться, стремиться к общению, добиваться друг у друга доверия и заверять в скромности. Когда она как-то раз вечером выскользнула из амбара, перед ней очутился Оливер и дружески посоветовал ей, ввиду того что Элиза еще не спит, не возвращаться пока домой, но пропустить вперед батрака Жана, а самой подождать в амбаре, покуда он, Оливер, не стукнет камнем в ворота. Этим у них все и ограничилось. С этого часа стали они сообщниками: устраивали проделки сперва у себя на дворе, потом и на деревне. Они подлавливали мужчин, начиная с подростков и кончая сбившимися с пути почтенными отцами семейств; они дразнили их, обманывали, натравливали друг на друга и покатывались со смеху, когда те дрались, а их жены ревели. Немногие осмеливались жаловаться на них Клаэсу. Старик высмеивал или выпроваживал жалобщиков, ибо знал, что Оливер стоит где-нибудь тут же в углу или за дверью. Однажды Элиза попробовала притянуть девушку к ответу, но Луиза оказалась не одна: из-за ее спины глянул на мачеху Оливер, и та умолкла. Возможно, что Луиза удивилась его власти, а может быть, сочла такое влияние соответствующим его поведению; во всяком случае, она не расспрашивала его по этому поводу. Потом дом оказался тесен для ее диких забав, и она поехала с Оливером на большую субботнюю ярмарку в Брюгге. Оттуда Оливер вернулся один. Клаэс спросил о Луизе.

– Она хорошо устроилась, – сказал Оливер и вздернул голову.

– А вернется она? – тихо спросила Элиза.

– Нет.

Больше о ней не говорили.

Судьба, которую Оливер до сих пор видел в своем кругу, которую он своеобразно и рано испытывал, но которая сама к нему еще не прикасалась, ухватила его за руку, когда ему минуло пятнадцать лет. В Тильте царило возбуждение. Восемилетняя Розье, дочь булочника Дашера, пошла по ягоды и не вернулась обратно домой; розыски не помогли: она исчезла. Одновременно с этим первый раз в жизни заболел Оливер. Всю ночь его рвало без всякой видимой причины, в доме, кроме него, никто не заболел. Он много плакал, что было странно, ибо его еще никогда не видели плачущим; он не говорил ни слова и впустил к себе только Элизу. Два дня пролежал он и, когда вечером второго дня Элиза захотела его покинуть, задержал ее и вымолвил тихим голосом:

– Я тебя прощаю, матушка, прости и ты меня.

Элиза с беспокойством уставилась на него.

Он не стал отвечать на ее расспросы и казался утомленным. Тогда она поцеловала его легонько в лоб и ушла.

В ту же ночь Оливер встал и, одевшись, собрал свои вещи в узелок. Потом с маленьким фонариком в руках пошел он босиком к каморке отца, который уже много лет спал один. Дверь была заперта. Оливер постучал. Отец сейчас же ответил бодрым, несколько хриплым голосом:

– Кто там?

– Оливер.

– Что ты хочешь, Оливер?

– Открой, отец.

– Зачем тебе, Оливер?

– А почему ты не хочешь открыть, отец?

Клаэс помолчал с минуту, тяжело дыша, потом заговорил:

– Я не хочу тебя видеть, Оливер.

– Как же не хочешь ты меня видеть, отец, раз ты должен меня выслушать?

Тут Оливер услышал короткое, дикое всхлипывание. Минуту спустя он сказал еще тише:

– Разве тебе легче меня не видеть, отец?

– Я не знаю, о чем ты говоришь, – отвечал тот глухо, как если бы его рот зажимала рука, – но, во всяком случае, я не хочу тебя видеть, Оливер!

Прижавшись лицом к шероховатым доскам, сын простонал:

– Мне надо уходить отсюда, отец.

– Почему, Оливер?

– Я знаю, где лежит Розье и как она выглядит.

После этого наступила такая тишина, что Оливер слышал биение своих висков о дерево. Потом Клаэс зашептал:

– Да, ты должен уйти, Оливер.

В ответ Оливер тихо спросил:

– Это все, отец?

– Я тебя любил и все еще люблю, Оливер, сын мой.

Оливер упал на колени и вонзил ногти в пол:

– Отец, а завтра ты еще будешь меня любить?

Голос Клаэса прозвучал свободнее, страх оставлял его:

– Мертвые не любят, Оливер.

Мальчик подергал запор и мучительно застонал:

– Я хочу видеть тебя еще раз, отец, я хочу тебе что-то сказать, отец, что-то, что я знаю и чего ты не знаешь.

Клаэс перебил его ясным, спокойным голосом:

– Ты меня не должен больше видеть, Оливер, и не должен ничего мне говорить. Ты должен презирать людей, как я их презираю, но ты не должен обожать себя, ибо ты не Дьявол, а всего лишь бедный человек; ведь и я не люблю себя, ибо я тоже бедный человек. Ты имеешь право причинять людям боль, так как этим ты и себе делаешь больно. Вскоре ты узнаешь, что боль стоит рядом с радостью, а может быть, ты это уже узнал, Оливер. А теперь иди!

Когда Оливер был уже на дороге между Тильтом и Гентом и наступило утро, в доме раздался вопль Элизы, нашедшей удушенника.

Оливер поспешил покинуть Гент, прежде чем слух о деревенском происшествии достиг города. Уже в полдень нашел он одного льежского торговца оружием, ехавшего в собственной повозке в Брюгге и выразившего согласие за плату взять с собой мальчика.

В Брюгге Оливеру не долго пришлось расспрашивать о Луизе. Хозяин гостиницы, у которого год назад он стоял с сестрой, оставив ее потом в полное обладание богатому тучному старику суконщику, стал насмешливо разглядывать тщедушного юнца; потом трактирщик иронически спросил, есть ли у Оливера возможности подступиться к этой даме – а возможности потребуются в двойном смысле (тут хозяин грубо засмеялся), потому что-де она одновременно и самая пылкая, и самая дорогая куртизанка во всем городе. Оливер засмеялся вместе с хозяином, не дав ему никакого ответа, и, не напоминая о себе как о ее брате, сумел получить от него нужный адрес.

Луиза проживала в прекрасном доме близ ворот Св. Якова. Так как она имела дело исключительно с большими господами, то власти предержащие ее не беспокоили, тем более что она часто жертвовала на церкви, женские обители и богадельни, само собою разумеется, скорее из мудрого расчета, чем из чувства милосердия. Суконщик был ею уж отставлен. После того как он подарил ей дом, он стал скуповат и стеснителен, а так как ее красота была достаточно известна, то она имела возможность выбирать среди богатых купцов Флорентийской колонии и великолепных сыновей благородных фамилий Брюгге. Ла Росса, как ее прозвали и как вскоре она сама стала себя называть, была довольна своей судьбой.

Перед Оливером возникло препятствие в виде гиганта привратника, который упрямо и недоверчиво заявил, что госпожа сейчас не принимает.

Мальчик, в интересах своего будущего положения, нашел выгодным не называть себя ее братом. Он выдал себя за школяра, которого Росса намеревалась-де взять к себе в услужение в качестве секретаря. То ли его черное платье было похоже на костюм школяра, то ли слова были похожи на правду, но только привратник впустил его в дом.

Луиза приняла брата приветливо. Он остался у нее и стал услуживать ей, как и в Тильте. Но о своем родстве они помалкивали. Познакомившись с положением дел, Оливер через несколько недель с большой уверенностью взял на себя заведование ремеслом сестры. Он быстро понял исключительную власть ее тела и наметил для нее более высокие цели. Он обратил внимание на то, как во время мессы в церкви Св. Сальватора один высокопоставленный прелат не спускал с нее глаз. Она стала его любовницей и оказалась достаточно умна, чтобы последовать совету Оливера ограничить круг своих отношений к мужчинам, как того желал влиятельный и благосклонный к ней князь церкви. Что касается прелата, то ему понравился услужливый, во многих отношениях полезный и умеющий держать язычок за зубами, неглупый мальчик, которого одно время он намеревался пустить по духовной части. Оливер не возражал. Он учился грамоте и латинскому языку у братьев ордена госпитальеров⁶, все время ловко растягивая срок искуса, назначенного его покровителем. Вскоре со свойственной ему

⁶ Орден госпитальеров – духовно-рыцарский орден, основанный в Палестине крестоносцами в XII в.

наблюдательностью он заметил, что в присутствии Луизы лицо старика уже не оживляется так чудесно, как раньше, и счел выгодным переменить место и покровителя. В связи с этим в ближайшие же дни увидел Оливера у себя на квартире папский легат, молодой и красивый человек старинного рода, который, пируя у Луизы вместе с прелатом, бросал на нее жадные взоры. При встрече с достопримечательным секретарем этой дамы он услышал от него весьма обдуманное предложение: госпожа согласна следовать за ним, легатом, если он лично войдет в соглашение по этому поводу с прелатом и устроит через него покупку дома; если он будет готов взять с собой ее секретаря, привратника и двух служанок; если он обяжется по их прибытии в Рим просить о ее благосклонности не ранее восьми дней по приезде и если он сможет в течение этого же срока обеспечить ее необходимые расходы. Легат, которому не давала покоя блестящая бледность кожи Россы, ее узкий твердый рот, ее продолговатые глаза, становившиеся иногда янтарными, сказал «да» и встретил у добродушного, умно улыбающегося прелата не весьма большое сопротивление, каковое и сумел преодолеть. Они направились через Францию и Анжу в Ниццу, а оттуда на папской галере отплыли в Рим.

Там иноземная красота молодой женщины снискала ей восторженное поклонение. Легат не мог долго удержать Фиаммингу, как прозвали Луизу римские жуиры; он уступил ее все-сильному кардиналу Борджиа⁷ за богатое аббатство, тем более что был тщеславен и надеялся на кардинальскую шапку, если Борджиа получит желанную папскую тиару. Оливер остался первым лицом небольшого придворного штата Луизы, неизбежной инстанцией для получения ее согласия, персоной, с которой считался сам кардинал. И так как Оливер придерживался в своей политике мудрого правила: определенно и честно стоять на страже интересов того, чья дружба наиболее полезна, а равным образом следил за тем, чтобы отбирались подарки и у других претендентов, но сами они не проникали дальше преддверия спальни, то кардинал смотрел на него как на своего сообщника. Он занялся юношей сначала лишь для того, чтобы понравиться ему, а через него и Росссе; потом заметил он нечто необычайное в молодом человеке: его стремление к темным целям, какую-то страшную, нехристианскую энергию, искрившуюся у него в глазах и делавшую его взгляд труднопереносимым. Однако это не был тот злой взгляд Джетатора⁸, который надо поймать и парализовать амулетом из рога, раздвоенными ветками коралла или, по крайней мере, крестным знаменем; нет, эти глаза не выступали наружу и не были близко расположены друг к другу, они сидели глубоко, осененные длинными ресницами, как глаза женщины; глаза неопределенного, неизмеримо глубокого мрака, манящего и опасного, как недвижная гладь альбанского озера. Кардинал заметил его поведение, умное, спокойное и в то же время полное сознания своей ответственности, его удивительную память, которой потребовалось едва ли четыре месяца для усвоения языка, его способности интригана, благодаря которым он в минутном разговоре распознавал людей, с тем чтобы, вооружившись знанием их слабостей, не грубо сбивать их, а запутывать, мягко и незаметно вести к поражению. Борджиа понял практическую полезность подобного человека, которого он уже не считал мальчиком (сам Оливер никогда не говорил о своих летах); несколькими словами направил он его, не страдавшего избытком совестливости, в новую и привлекательную область, область закулисной политики. Оливер, работая для него в качестве тайного секретаря, осведомляя его, вожака испанской партии, о делах противной группы, состоявшей из антиклерикальной римской аристократии и гуманистов, связанных с Папой Пием II⁹ научными интересами и настойчиво боровшихся против кандидатуры Борджиа. Оливеру нетрудно было использовать для своих политических целей казавшийся нейтральным малень-

⁷ *Борджиа* (Борджа) – знатный род испанского происхождения, игравший значительную роль в XV – начале XVI в. в Италии.

⁸ *Джетатор* – человек, обладающий «дурным глазом».

⁹ Здесь имеется в виду Папа Пий II (1405–1464), поэт и историк, друг гуманистов. В 1492 г. папский престол занял Родриго Лансоль Борджиа под именем Александра VI.

кий палаццо близ форума Траяна, в котором жила Луиза; пользуясь Фиаммингой как приманкой, он склонил к должной доверчивости выдающихся аристократов и ученых. Но когда он по приказу кардинала поджег собранный им горючий материал, ему пришлось самому же пострадать от этого. Один ученый, принадлежавший к числу фанатических поборников республиканских и антипапских тенденций, Лоренцо Валла¹⁰, доведен был Оливером и прочими провокаторами кардинала до заговора против жизни Папы. Борджиа надеялся получить таким способом возможность уничтожить всю партию, раскрыв заговор накануне покушения. Но ученый сдал раньше времени: он явился к папским властям, сознался в замысле и назвал своих сообщников. Борджиа, сам с трудом выпутавшийся из этого дела, без всякого раздумья отступился от своих людей. Однако, когда папские сбирь¹¹ проникли в дом Россы, чтобы арестовать ее секретаря и повесить его вместе с другими на башенке в замке Св. Ангела, они не нашли его. Оливер уже бежал в Браччиано, владетель которого охотно принимал всех тех, кого Папа преследовал. Там занимался он копированием латинского перевода Поджио «Киропедии» Ксенофонта¹². Он обещал герцогу доставить Фиаммингу.

Но Оливер больше уже не нашел своей сестры. Когда смертоносная чума ударила по сутолке Священного года¹³, он осмелился посетить Рим, охваченный ужасом, покинутый Папой, курией и магистратом. Кардинальский дворец и дом Россы он нашел тоже пустыми. Одни говорили, что куртизанка умерла, другие утверждали, что она еще до начала эпидемии бежала в Неаполь с придворным короля Альфонса, третьи якобы видели ее в свите Борджиа, бежавшего от чумы на юг. Оливер почувствовал грусть; захватив с собой маленький портрет Луизы, он отправился вместе с копиистом Джорджио Трапезунцио во Флоренцию.

Там работал он поначалу опять как писец и брадобрей; натолкнувшись благодаря одной покровительствовавшей ему публичной женщине на мысль изготавливать разные притирания и косметики, он достиг в короткое время известного благосостояния. Но снадобья его содержали в себе слишком много ртути и были вредны для здоровья, посему он с трудом избежал Барджелло¹⁴.

После этого наступил период его пятилетнего странствования под сотней различных масок и имен. Был он писцом, школяром, брадобреем, врачом-шарлатаном и чернокнижником, шпионом, сутенером и шулером, прошел через многие жизненные бездны и сквозь водовороты быстротечной судьбы; он шел, лишь задеваемый событиями, но не захваченный ими, никогда не оставляющий за собой ничего, кроме платья, изредка кусочка кожи, более любимой, чем ненавидимый людьми, сам же не любящий и не ненавидящий никого, пользующийся своим превосходством, но не алчный до денег и все сильнее чувствующий тоску по северу.

Оливеру было двадцать пять лет, когда он вновь объявился в Генте. В первый же день его потянуло в Тильт. Он пришел туда в обеденный час; без волнения смотрел он на кирпичную деревенскую церковь, знакомые дома и дорожки, на родительский двор. «Чего мне здесь надо?» – спросил он сам себя, удивленный все не покидавшим его чувством ожидания. Элиза превратилась в грузную матрону с прядями седых волос. Она обернулась к дверям и сказала своим глухим, несколько гортанным голосом:

– Ах, Оливер!

¹⁰ Лоренцо Валла (1405 или 1407–1457) – итальянский гуманист.

¹¹ Сбирь – судебные и полицейские стражники в Италии.

¹² Поджио Браччиолини (1380–1459) – итальянский писатель, гуманист, государственный секретарь Флоренции, нашел и восстановил потерянные тексты многих древних римских авторов (Цицерона, Тацита, Плавта и др.), перевел с греческого «Киропедию, или Воспитание Кира» Ксенофонта, руководившего отступлением греческих наемников из Азии на родину после битвы при Кунаксе в 401 г. до н. э.

¹³ Священным годом в Риме назывался тот год, когда в храме Св. Петра размуровывались ворота, через которые в город вступала торжественная религиозная процессия.

¹⁴ Барджелло – замок-тюрьма во Флоренции.

Поднявшись с приветливым видом, она пошла к нему навстречу. Генрих, начавший уже лысеть, приветствовал его и, указав почти торжественным движением на хорошенькую молодую женщину, сидевшую около него, сказал:

– Это Лизбет, дочь мейстера Виллема Рима. Мы женаты уже два года.

Но всех их Оливер подарил лишь беглым взглядом и таким же словом. За столом около Лизбет сидела девочка лет десяти – двенадцати, улыбнувшаяся ему, как только он вошел в комнату. Редко случалось, чтобы люди ему улыбались, и никогда еще и с ним не бывало, чтобы улыбающийся человек распространял вокруг себя свет, который отразился бы у него в глазах и в груди. Он ответил на ее улыбку хорошим смехом, а ведь смеялся он не часто. Чистая и неведомая радость пронизала его, как хмель, – да, как хмель, и переплелась с опьяняющей мыслью: а ведь я ожидал эту радость.

Он отвел свой счастливый взгляд от серых глаз и чудесных зубов девочки, с торжеством взглянул на других, и вот все трое засмеялись, и комната больше уже не была темной. Элиза сказала:

– Я рада, что тебе хорошо, Оливер.

А Лизбет объяснила:

– Это Анна, моя сестренка.

Оливер опять взглянул на девочку.

– Ну, теперь я остаюсь в Генте, – сказал он, продолжая улыбаться.

Оливер вступил в цех брадобреев. Ему не трудно было этого добиться, ибо он был Неккером, человеком, совершившим далекое путешествие, а также и потому, что он работал в качестве старшего подмастерья у Виллема Рима, цехового мастера, уважаемого вождя гентского освободительного движения. Оливер вскоре сделался мастером и реорганизовал вместе с Виллемом Римом оппозиционную партию, очень озлобленную в результате несчастной войны с Бургундией и потери исконных городских вольностей. Старый мастер любил его как сына, видел в нем только патриота и ловкого цехового подмастерья и, когда Анне минуло пятнадцать лет, выдал ее за него замуж. Вскоре после этого Рим умер, и Оливер наследовал от него и его профессию, и его политическую деятельность.

Только теперь, будучи независимым и обладая любимой женщиной, позволил он себе быть тем, чем он был на самом деле. Постепенно и неуловимо терроризовал он бургундскую партию, не из патриотизма, а из удовольствия политической игры, наслаждаясь своей умственной силой и разумно уяснив себе превосходство французского противника.

Он работал, опираясь на темные стороны своего природного гения и жизненного опыта. Он сумел, не выдавая себя, свести на нет вождей противной партии и отнять у них приверженцев из среды легко воспламеняющегося народа.

Вообще же это был обязательный и со всеми приветливый человек, по-видимому, без большого личного самолюбия, не думавший об административной должности и выступавший публично не слишком часто и не слишком редко. Но он уже крепко держал в руке невидимую узду, направляя людей куда ему нужно, а толпа не замечала ни рулевого, ни тайного ловца душ.

Он стал агентом Франции не из личного интереса, но испытывая радость стратега, по-своему направляющего противоречивые движения и силы. В глазах народа он оставался гентским патриотом. Народ величал мейстера Оливера Дьяволом, подобно тому как деревенская дворня называла его этим именем, когда он был еще мальчиком. Но сам он чувствовал разницу в этом наименовании: ведь теперь это было не проклятием испуганных слуг, но восхвалением со стороны гентских граждан, которые уважали Дьявола и любили его.

Глава 3. Пробный камень

После отъезда герцога поведение мастера Оливера стало мало кому понятным. Все свое внимание он направил на то, чтобы удержать возбужденный город от напрасного ропота против Брюсселя. Через посредство преданных ему цехов он добился у городских старшин того, чтобы в первые дни волнения дома герцогских чиновников охранялись вооруженными людьми и чтобы вожаки бургундской партии, взятые под стражу, были отпущены на свободу без поругания их бюргерской чести и достоинства. Голоса этих людей вместе с голосами умеренных цеховых мастеров дали Неккеру сплоченное большинство против крайних, которые требовали союза с восставшим Льежем.

На следующий день после тайного по этому поводу совещания Оливер встретил Питера Хейриблока около товарных складов Коориля. Купец, не принадлежавший ни к одной из господствовавших корпораций, боязливо избегал мастера, памятуя их недавний разговор и находясь под впечатлением последних событий. Теперь же, увидев его неожиданно возле себя, он попытался скрыть свой страх под личиною холодной учтивости. Но Оливер, сделав нетерпеливое движение рукой, сказал ему серьезно:

– Тебе никто не желает зла, Хейриблок, напротив, в тебе нуждаются.

Питер взглянул на него с недоверием. Мастер же, затащив его в проход под воротами, тихим голосом, в кратких словах рассказал ему о цели и результатах голосования и предложил поехать в Брюссель, чтобы информировать об этом деловые круги; само собой разумеется, это надо было сделать искусно, как говорится, между делом. Хейриблок нахмурил лоб:

– Очевидно, ты считаешь меня очень глупым, Оливер, раз предполагаешь, что для меня достаточно самой аляповатой из твоих дьявольских ловушек?

Мейстер сердито покачал головой: разве ему, Питеру, не известен гентский закон, по которому член магистрата, нарушивший должностную тайну, карается смертью как изменник?

– Что же ты хочешь сказать этим, Неккер? – спросил Хейриблок.

– Боже мой, Хейриблок, я хочу этим сказать, что ты, недолжностное лицо, с этой минуты держишь меня, члена магистрата, в руках. Ну что же, ты все еще подозреваешь какие-то ловушки и не видишь, как я озабочен?

Купец молчал. Оливер поведал ему свою заботу: как бы герцог, усмирив Льеж, не расправился одновременно и с Гентом. Его нужно умиловить во что бы то ни стало.

– А так как ты привезешь ему хорошие вести, – закончил Оливер, – то ты можешь сам, Питер, прикинуть свою выгоду в цифрах.

Он ушел. После полудня явился к нему Питер Хейриблок и заявил, что принимает поручение. События показали, что мастер был прав. Льежцы восстали, убили герцогских чиновников и продвинулись до С. Труидена. Для Оливера и умеренных городских старшин наступили тяжелые дни, так как крайние через их головы призывали буйных гентцев к оружию. Смелый тактический ход магистрата, по совету Оливера объявившего о победе герцога на двадцать четыре часа раньше времени, произвел резкую перемену. Двое подстрекателей были казнены в порядке ускоренного судопроизводства, и брюссельским властям было сообщено о приговоре как раз в тот момент, когда герцог действительно разбил льежцев у С. Труидена и Тонгрена. В то самое время, как он подошел к Льежу, в несколько дней взял его почти без боя и сурово с ним расправился, Оливер послал Питера Хейриблока вторично в Брюссель. Когда же тот вернулся обратно, мастер поразил магистрат чудовищным предложением, а именно: так как для сохранения большей части городских вольностей одного нейтралитета теперь уже недостаточно, то потребуется проявление особой лояльности, добровольное отречение от ряда чисто формальных привилегий. При этом Оливер воскликнул повышенным, прерывающимся от волнения голосом:

– Я знаю, что говорю, господа! Я знаю также, почему я так говорю! Я немало сделал для усиления гентской партии и для возвращения городу его прав. Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто полагает, что за последнее время мои предложения служили иному интересу, кроме интересов нашего города?

Все молчали.

– В таком случае, – продолжал Оливер, – осмелюсь предложить высокому совету во имя благополучия нашего славного города послать в Брюссель десять именитейших граждан со знаменами цехов – да, да, смиренно, пешком в Брюссель, – с тем чтобы повергнуть эти знамена к стопам герцога. Вернет он их или оставит у себя, какое нам до этого дело? Ведь в Генте шелку достаточно, а молодой государь любит пышные церемонии. Внешнее проявление покорности заставит его забыть об усмирении, которое он замышляет, да, граждане, воистину замышляет!

Последние слова, произнесенные громко и убедительно, не допускали возражений. Первый старшина спросил после долгой паузы:

– Согласны ли вы, мейстер Неккер, возглавлять делегацию?

Оливер, закрыв глаза и сжав губы, раздумывал минуту, опершись руками о край стола. Потом медленно ответил:

– Я благодарю господ старшин за их лестное предложение. Я согласен войти в состав делегации, но для того, чтобы стоять во главе ее, у меня, младшего из цеховых мастеров, не хватает необходимых данных. Если вы назначите меня, это повредит нашему делу, особенно же в глазах зоркого герцога.

Главой делегации избрали третьего городского старшину, членами ее кроме Оливера – четырех советников и трех цеховых мастеров, принадлежавших к бургундской партии. По предложению Оливера выбрали и виноторговца Хейриблока, которому он был обязан своей брюссельской информацией.

– Анна, – сказал Оливер, придя домой и с улыбкой целуя жену, – большая игра начинается, и благодаря мне Гент лишится хорошего брадобрея и девяти доблестных граждан. Впрочем, это небольшая цена за его спасение. Начинается также и наша большая игра, Анна, – добавил он.

Два дня спустя после того, как город торжественным заявлением взял на себя заботу о личных и профессиональных интересах членов делегации, эта последняя двинулась в путь. У каждого из ее участников был свой слуга, у Оливера – Даниель Барт. На первой остановке, в Веттерене, мейстер незаметно принял некий флорентийский порошок. Во время дальнейшего пути лицо его покрылось желтизной, и его стало лихорадить. С трудом дотащился он, опираясь на Даниеля, до Аальста. Здесь он свалился в бреду, со стеклянными глазами. Пришлось его оставить на постоялом дворе под надзором Барта. Хейриблок попытался было поговорить с больным наедине, но Даниель Барт не отходил от его постели и наконец сказал со злым лицом:

– Господин Питер, мейстер еще в Генте говорил, что вы знаете не меньше его, так чего же вы от него хотите?

Хейриблок вышел, не сказав ни слова. В минуту просветления Оливер потребовал к себе священника и Анну; растерявшийся старшина незадолго до отбытия делегации послал верхового в Гент за Анной. Гонца немного удивило то, что жена Оливера оказалась уже готовой к отъезду, но высказанное ею горе по поводу болезни мужа и несколько серебряных талеров помешали посланному долго задумываться над этим вопросом.

Делегация, отнесшаяся к утрате Оливера как к неприятному осложнению своей миссии, прибыла в Брюссель в скверном настроении; удивленная, что для ее приема не было сделано ни малейших приготовлений, она не предвидела ничего хорошего. Несмотря на выстаивание в герцогской передней часто отлучавшегося Хейриблока, делегации пришлось прождать немало времени, прежде чем она была принята.

Когда же большинство делегатов решило вернуться в Гент и сообщило о своем намерении властям, то в ответ на это к их квартирам был приставлен военный караул. В конце концов они получили в не особенно учтивой форме приказание предстать перед герцогом. Во дворце их ожидал весьма суровый прием: знамена были разорваны у них на глазах, а самих гентцев герцог задержал в качестве заложников для того, как объяснил государь, чтобы оградить себя от будущих чудес святого Льевэна.

В остальном же, заявил он, милость его велика, ибо он пока не собирается расправляться с Гентом, хотя строптивый город и заслужил этого вполне. Он разрешает им послать в Гент одного из их слуг, чтобы предупредить магистрат о той смертельной опасности, которой делегаты подвергнутся при малейшем мятеже в городе. Вернувшись к себе на квартиру в сопровождении стражи, члены делегации заметили отсутствие Хейриблока. Он был послан в тот же день герцогом в Льеж в качестве сборщика податей.

Действие принятого в небольшой дозе препарата, одного из тех тайных средств, которыми флорентийские аптекари обслуживали своих господ, было в несколько часов нейтрализовано соответствующим противоядием. Анна нашла мейстера погруженным в благодетельный сон. На следующее же утро он был здоров и объявил хозяину, что готов продолжать свое путешествие в Брюссель. Все трое покинули Аальст в южном направлении и, повернув к западу у первой же деревни, доехали до Уденаарда, где их ожидал багаж и прочная дорожная повозка. Присоединившись к купеческому каравану, отправлявшемуся в Валансьен, они успели добраться до Парижа как раз в тот момент, когда в Генте разнесся слух, что больной мейстер с женой и старшим подмастерьем загадочным образом исчезли между Аальстом и Брюсселем. Предполагали, что они стали жертвой разбойников или же враждебно настроенного населения. О них сожалели от всего сердца, скорбя вместе с тем об участи остальных.

На пути к Парижу Оливер узнал, что двор находится в Турени¹⁵, куда он и дал знать Жану де Бону о своем приезде.

В Париже он стал дожидаться ответа. Несколько дней спустя в гостиницу близ Тампльских ворот, адрес которой он указал, прибыл курьер с не подписанным, но припечатанным королевской печатью приказом. В этом приказе Оливеру предписывалось использовать свое пребывание в Париже для того, чтобы собрать сведения о францисканском монахе Антуане Фрадэне, проповеди которого в монастырской церкви близ Сен-Жерменских ворот возбуждали всеобщее внимание и не нравились королю; после этого мейстер должен был отправиться в Амбуаз.

– Анна, – усмехнулся Оливер, обращаясь к жене, – государь желает подбросить мне на дорогу еще один пробный камешек, а может быть, этим уже начинается большая игра?

Они прослушали одну из проповедей брата Фрадэна. Собралось много народу. Монах, красивый мужчина, сверкал чудесными зубами. Его могучий голос наполнял серую готическую базилику¹⁶. Он метал грома против грехов плоти, против сладострастия, против порока чванства. Он не стеснялся употреблять крепкие простонародные выражения; Оливер усмехался. И вот, слегка переменяв тон, ослабив напряженность греховной атмосферы среди слушателей, но в то же время держа их в покорном трепете, монах стал жаловаться на пороки высших сословий, затем, незаметно соскользнув на политику, он стал громить дурное правосудие городов, князей и государей. Вскоре он добрался до особы короля. «Да, да, наш великий король!» – воскликнул он с подъемом, исступленно, этим порывом как бы оправдывая и объясняя свою дерзость. На минуту он замолк; громадная аудитория затаила дыхание, женщины в упоении так и впились глазами в лицо оратора, но обличитель сделал небольшой поворот и, казалось, преклонился перед величием: король добр, король желает блага, но люди, окружающие его,

¹⁵ *Турени* (Турень) – историческая провинция во Франции в бассейне Луары.

¹⁶ *Базилика* – один из главных типов христианского храма.

плохи, ведь это притеснители, палачи, а может быть, и изменники. Оливер сощурил глаза. Монах еще больше понизил голос и заговорил почти мягко, не глядя на лица и возведя очи к небесам. Он, проповедник, видит опасность для короля, опасность для страны: изменники желают войны, но народ знает, что такое война. Пусть город вспомнит о бедствиях последней осады, от которой его отделяют всего лишь три года; опасайтесь войны!

Оливер усердно разглядывал проповедника. Затем он прошептал жене:

– Это человек не без ловкости; сдается мне, что за ним кроется всякая всячина, но тело у него глупое, бычье. Изловить его чрезвычайно легко.

Анна пришла на исповедь к брату Фрадэну; исповедовалась она не с опущенными, а, напротив, с вызывающе поднятыми глазами. После быстрого отпущения грехов, возбужденно поглаживая ее шейку и сдвигая с груди косынку, монах попросил ее о свидании. Анна указала место в лесу Нельи на берегу Сены, там она обещала быть к его услугам на следующий день при наступлении сумерек. Однако, когда в назначенное время брат Антуан стал быстро подниматься от берега к лесистому холму, он был оглушен сильным ударом по затылку. Даниель Барт поднял бесчувственного монаха и с помощью Оливера привязал к дереву. Потом мейстер подержал под носом брата Антуана какую-то остро пахнущую эссенцию. Монах открыл глаза и, вырываясь из веревок, хотел закричать. Но кислота, которую он тут же вдохнул, чуть не задушила его. Оливер потайным фонарем осветил лицо кашляющего брата, спрятал склянку и, показав ему на свету приказ с королевской печатью, проговорил почти вежливо:

– Именем короля, брат Антуан, а посему звать караул бесполезно и некстати. Вы, к сожалению, попали в ловушку. По роду занятий вы проповедник нравственности, а по натуре – козел. Милосердный Господь часто позволяет себе проделывать с нами подобные шутки, а потому, как грешный человек, я мог бы вас понять, но у меня, как у представителя королевского правосудия, имеется достаточно материала для того, чтобы разрешить моим людям пустить в ход веревку, а в виде официальной санкции для этого поступка вырезать на древесной коре королевскую лилию¹⁷.

На секунду он направил свет своего фонаря в ту сторону, где, скорчившись, как циклоп, сидел в тени Даниель Барт. На мощных плечах его была безрукавка, какую носили обыкновенно палачи. Монах сказал хрипло и быстро:

– Я не подлежу светскому суду! Меня может судить только приор.

Оливер тихо засмеялся:

– Разве вы не знаете, брат мой, что король не только весьма часто, но и с явным удовольствием пренебрегает подобного рода предрассудками? Или вы, быть может, воображаете, что он удостоил вас собственным приказом потому только, что вы козел? Козел-то вы козел, но дело не в этом, а в том, что политическому агенту нельзя быть козлом, брат Антуан. Вот грех, который я не могу вам отпустить ни в коем случае.

Монах сжал губы и покосился на фонарь. Затем он попросил тихим голосом:

– Не могу ли я увидеть лицо того, кто со мной говорит, потому что трудно отвечать в темноту. Речи же, которые я слышу, не похожи на речи судебного чиновника.

Оливер выпучил глаза и на мгновение осветил свое совершенно неподвижное, со впалыми щеками лицо.

– Изыди, сатана, – завопил монах, извиваясь в веревках, и стал бессмысленно, быстро твердить слова молитвы.

– Брат мой, – засмеялся Оливер, – я мог бы теперь, пользуясь вашим испугом, выпытать у вас все что угодно, но я сделаю это способом более надежным, чем позволяют мне случай, безлунная ночь и ваше смятение. Дьявол ли я, или палач, или же дьявол, состоящий палачом у короля, для нашего случая это совершенно безразлично.

¹⁷ Намек на королевскую печать, где была изображена лилия.

Вдруг он заговорил по-фламандски, без малейшей паузы между двумя фразами:

– А ведь вы брабантец, мой дорогой друг, и работаете на герцога.

Монах прервал свою молитву и, казалось, готов был ответить, однако он только судорожно закашлялся и продолжал молиться. Оливер сказал нетерпеливо, все на том же наречии:

– Брат мой, тут не дьявольское наваждение! Ведь я уже по вашей проповеди это узнал: есть французские слова, которые трудно выговорить фламандцу, хотя в общем вы неплохо говорите по-французски.

Монах с закрытыми глазами быстро шептал латинские слова. Оливер проговорил через плечо по-фламандски:

– Ну, с меня довольно, Даниель. Возьми-ка своих людей и покончи с ним.

Послышался треск веток. Монах, у которого пот струился по щекам, с ужасом взглянул в темноту и закричал:

– Да, да, я из Брюсселя!

Оливер приказал, обращаясь в темноту:

– Подождите! – Потом снова обернулся к монаху: – Теперь слушайте, брат Тоон: вы принадлежите к агентам бургундца, агитирующим, особенно в Париже, против войны, которая пока что не нужна герцогу; ему необходимо сперва навести порядок в своем собственном доме и заручиться союзниками, быть может, даже среди городов, подвластных королю. В связи с этим на вас возложена задача сделать короля непопулярным. Но, как вы видите, все это опасно только для вас самих. Берегитесь, в проповеди вы говорили об угнетателе – это господин де Бон, о палаче – это господин Тристан, но вы говорили также и об изменнике. Что это – пустая риторика? Или вы немножко тут пророчествуете, да сами же и пособляете вашему пророчеству сбыться? Ведь вы знаете, что первых двух имен не называют без третьего – кардинала Балю. Брат мой, если вы считаете его изменником и хоть малейшим образом обоснуете это ваше утверждение, я тотчас же перережу ваши веревки, и вы свободны.

Он держал фонарь так, что его лицо и лицо его собеседника были освещены. Оба молча взглянули друг на друга. Оливер продолжал медленно:

– Я из Гента, брат мой, и, даже находясь на службе у чужого государя, служу только себе самому. И я никогда не делаю вреда человеку, который может мне принести пользу. Вы меня, конечно, поймете. Ведь, отвечая на мой вопрос, вы приносите мне пользу, и в воздаяние за это я спасу вашу голову, которая иначе, конечно, погибла бы.

После короткого размышления францисканец тихо ответил:

– Кардинал ведет из Парижа тайную переписку с господином Кревкером, бургундским канцлером, на службе которого я состою. Один из наших братьев является их письмоношцем. Доказать их совместную работу нетрудно: кардинал вскоре начнет советовать королю согласиться на свидание с герцогом. Это и будет той опасностью для короля, о которой я говорил.

– Знает ли кардинал о вашем существовании и о смысле ваших проповедей?

– Конечно, нет, – отвечал монах. – Я работаю совершенно независимо от него. Я работаю также и на тот случай, если явное недоверие к нему герцога оправдается.

– Теперь скажи мне, пожалуйста, имя их письмоношца, брат мой.

– Жак Виоль.

– Благодарю вас, брат Тоон. Мы, может быть, еще пригодимся друг другу.

Оливер разрезал веревки, которыми монах был привязан к дереву. Францисканец стал разминать затекшие члены. Мейстер дружелюбно заявил ему, что теперь он может спокойно удалиться, с тем чтобы избегать проповеднической кафедры. Самое худшее, чего он может для себя ожидать, – это запрещения открыто произносить проповеди.

Францисканец со словами благодарности поспешно удалился, не оборачиваясь назад.

– Начало хорошее и даже нетрудное, – сказал Оливер Даниелю Барту.

На другое утро они втроем покинули Париж, пересекли тихую область Бос, переночевали в Орлеане и проследовали потом по течению реки Луары. Ко времени солнечного заката увидели они замок Амбуаз; хмуро, недоверчиво и настороженно высился он на скале, мрачно господствуя над тихой, прекрасной в своем плодородии равниной.

Анна, дотрагиваясь до руки Оливера, сказала:

– Серьезная будет игра, мой друг, ведь этот человеконенавистник любит только себя и свои желания.

Оливер отвечал с ласковой улыбкой:

– А я, сверх того, люблю еще тебя, моя Анна, и в этом мое превосходство над ним.

Тяжелые круглые башни замка за стеной и утесами отразили прощальную зарю дня; мрачный силуэт замка висел в воздухе, как кулак, который небо сжало над землей.

– Мне страшно, – сказала Анна.

Оливер успокаивающе провел рукой по ее голове, однако он и сам чувствовал, что каменная твердыня давит его душу. Он подумал о том, что фундаментом этой резиденции, этого подобия ада, были подземные казематы, воплощавшие то страшное, бесповоротное забвение, на которое обрекал своих пленников Людовик Валуа, камеры пыток для сотни медленно умиравших людей, подземелья безграничного отчаяния, задушенных стонов и тщетных проклятий. «Если этот человек может спать на подобном ложе, – подумал Оливер, – и если мне не удастся нагнать на него бессонницу, значит, он сильнее меня и мне плохо придется, коль скоро захочу я от него освободиться, но тогда мне неминуемо придется стряхнуть с себя этого паука, иначе он высосет меня...»

Он нахмурил брови:

«Но если удастся проникнуть в его совесть и завладеть ею, он не сможет отделаться ни от меня, ни от своей совести...»

Однако о своих думах он ничего не сказал Анне.

У сильно укрепленных городских ворот стояли один за другим в три ряда караулы и проверяли проходивших. Оливер показал королевский приказ, и ворота с шлагбаумом тотчас же открылись перед ним. Так как мейстер полагал, что было уже поздно ехать с утомленной женой и пожитками во дворец, то они остановились в ближайшей гостинице. Час спустя, когда было уже около десяти вечера, явился шотландский телохранитель и приказал Неккеру предстать перед королем. Оливер, поборов неохоту и усталость, последовал за солдатом. Они прошли по дремлющим в ночной тиши улицам и поднялись к замку крутым, трудным подъемом. Оливер шел по пятам за своим проводником, потому что наслышался о капканах и железных шипах, делавших опасными подъездные улицы. Через небольшие промежутки пути гвардеец производил куда-то в темную ночь пароль; никто не отвечал, но вокруг со всех сторон слышалось заглушенное позвякивание панцирей. Вот показалась громада трех крепостных стен, обхватывающих одна другую. Оливер следовал за шотландцем через дворы, переходы, запутанные коридоры, по ряду лестниц, по бесчисленным покоям, мимо недвижных патрулей, все время двигаясь среди какой-то серой, тревожной, удручающей тишины, между чудовищных каменных глыб, странно подавленный страхом и не будучи в состоянии свободно дышать.

Он стиснул зубы: его нервы должны повиноваться! «Ведь это всего только дорожное утомление», – успокаивал он сам себя. Наконец они пришли в замковый флигель, где жил король. Молчаливый проводник попросил мейстера подождать в маленьком покое, стены которого были увешаны фландрскими гобеленами, так что не было видно двери. Не успел Оливер еще осмотреться, как шотландец исчез; с минуту слышались голоса. Оливер прошелся вдоль стены, отыскивая под гобеленами дверь, через которую они вошли и которой, очевидно, только что воспользовался его проводник. Но тотчас же отпрянул назад, так как ковер заколыхался под его руками и ему показалось, что он дотронулся до человеческого тела. Ковровый занавес раздвинулся совсем рядом с ним. В комнату вошел Жан де Бон и приветствовал его своим

добродушным, густым голосом. Снова поднялся ковровый занавес: высокий старик с обветренным лицом и водянистыми, красноватыми глазами, одетый в черное придворное платье изысканного покроя, опустил за собой занавес и остановился у стены.

– Мейстер Оливер, – сказал Жан де Бон, – прежде чем вы предстанете перед королем, господин Тристан хочет задать вам два-три вопроса насчет красноречивого францисканца.

Тристан л'Эрмит, генерал-профос, уже тридцать лет пытавший и вешавший людей именем короля, наводящий на всех ужас и всеми проклинаемый, подошел не совсем твердыми шагами и, слегка наклонившись к Оливеру, протянул ему бледную, узкую, старческую руку. Его голос был тих и благозвучен:

– Простите, мейстер, что я еще нынче вечером прошу вас познакомить меня с тем материалом, которым вы располагаете по данному делу; это потому, что я хотел бы уже сегодня ночью снарядить курьера к председателю парламента.

Для Оливера этот вопрос пришелся весьма кстати. Он подбодрил его дух сознанием того, как хорошо он вооружен. Мрачность места, ночного часа и людей готова была уже внедриться в его душу, создавая состояние угнетенности и усталости, но теперь это настроение быстро сменилось светлой радостью от мысли, что и здесь он будет руководить судьбой, знать то, что другим неизвестно, будет своим особым способом забегать в будущее и вести слепых в том направлении, в каком ему вздумается. Это тайное мастерство было радостью его жизни: он находился здесь для того, чтобы направлять его против сильной, опасной – быть может, равноценной по результатам – воли этих властителей. Как всегда, когда ему предстояло иметь дело с сильными противниками, которых он хотел обойти и общение с которыми у него началось с хитрых изворотов, он, давая свой ответ, не глядел в глаза собеседнику.

– Сеньор, – начал он учтиво, но отнюдь не тяжеловесным тоном чиновника-докладчика, – францисканский монах Антуан Фрадэн кажется мне одним из тех весьма типичных церковников, одаренных красноречием, которые проповедуют с амвона скорее ради личного успеха, чем в силу правоверного благочестия. Следовательно, человек он посредственный и безвредный. Довольно будет – и это явится достаточным для него наказанием – запретить ему через его приора проповедовать и, пожалуй, предписать ему еще более строгий затвор.

Тристан слегка прищурил глаза и покачал головой.

– Весьма благодарен вам за ваше сообщение, мейстер, – сказал он приветливо, – но мне сдается, что тщеславные патеры для нас опаснее фанатичных. И не согласны ли вы с тем взглядом, что жажда успеха легко может превратить ритора в демагога? А ваше мнение о безвредности не является ли следствием вашего признания его посредственности?

Оливер поднял голову и слегка усмехнулся.

– Мне казалось, сеньор, – сказал он уклончиво, – что я сразу определил его посредственность, когда увидел, что с человеческих пороков он невинным образом перескакивает на политику; я уже тогда сформулировал про себя первый вопрос: является ли демагогия монаха следствием его личного честолюбия, или же он действует по чьему-либо приказу?

Профос¹⁸ посмотрел на него с удивлением.

– Именно это-то мы и подозреваем, мейстер, – молвил он, помолчав немного. – И вы считаете наши подозрения необоснованными только потому, что характер проповеди не подтверждает их?

Оливер на мгновение вскинул на него глаза:

– О, конечно, нет, сударь! Я имел случай поговорить с ним и испытать его.

Тристан был сбит с толку и слегка повысил голос:

– Ну а что, если я надумал арестовать его и потом подвергну допросу с пристрастием?

¹⁸ Профос – в данном случае сановник, ведающий внутренними делами государства, заботящийся об охране порядка, выполнении приговоров, производящий аресты, следствия и допросы преступников.

Оливер небрежно рассматривал свои руки.

– Мессир, – сказал он равнодушным тоном, – ведь я уже захватил его и подверг подобному же допросу, причем мой слуга, богатырски сложенный малый, исполнял роль палача и готов был его повесить. Но у бедняги, кроме латинских молитв, не оказалось никаких признаний.

Жан де Бон засмеялся, засмеялся и господин Тристан, а за занавесью засмеялся кто-то третий. Оливер обернулся. Ковер на стене зашевелился. Бон подскочил к нему и отдернул его в сторону. Вошел мужчина среднего роста, приблизительно лет пятидесяти. На нем была поношенная охотничья куртка, на голове старая войлочная шляпа с маленькими свинцовыми иконками на загнутых полях. Безбородое, несколько обрюзгшее лицо его было ужасающе безобразным. Над похотливыми животными губами висел громадный кривой нос. В углах сжатого рта чувствовались ирония и жестокость. Но глаза, под прямыми строгими бровями, среди паутины морщин и складок, были поразительной красоты: большие, глубоко лежащие, неопределенного цвета, полные ума, пронизательные и вместе с тем непроницаемые; взгляд их трудно было вынести, и все же они манили к себе.

«У него мои глаза», – подумал Оливер, целуя руку короля.

Господин Тристан и Жан де Бон тихо отступили назад и встали у стены.

Король обратился к профосу.

– Куманек, – сказал он глубоким, звучным голосом, – незачем посылать курьера и пугать монашка твоим именем. Мы последуем совету нашего фламандца и объявим монашку запрещение проповедовать через епископа, то есть через Балю, который с самого начала считал этот случай неопасным. Теперь же, куманьки, оставьте нас ненадолго вдвоем с нашим другом Оливером.

Придворные поклонились и вышли. Король сел на один из тяжелых стульев с высокой спинкой, стоявших у стены, и кивком головы сделал знак Оливеру подойти; король обнажил высокий чистый лоб, на котором от напряжения мысли собрались складки.

– Оливер, – заговорил он медленно, – я знал тебя лучше, пока тебя не видел, я понимал твой гений, который подобен моему, и я воспользовался им, я призвал его сюда. Я его понимал, когда слушал за тем занавесом, и смеялся. Но теперь ты для меня непроницаем, Оливер; я не вижу даже подтверждения того, что я твой господин, не вижу даже того, что тебя надо бояться. Не умнее ли было бы с моей стороны сказать, что читаю в твоём взгляде то, что я хотел узнать и что привык читать?

Мейстер был страшно поражен этим вопросом и внезапно почувствовал глубокое влечение к королю.

– Оливер, – снова, почти шепотом заговорил король, – у тебя теперь глаза как у хорошего человека. Друг, даже у хороших людей в моем присутствии делаются злые, ненавидящие или трусливые глаза. Тебя зовут Дьяволом, и я величал тебя этим же именем. Что же, ты очень храбр? Настолько храбр, что можешь быть добрым? Подозреваешь ли ты, что может для меня значить такой пример? Оливер, хватит ли у тебя мужества быть добрым к такому человеку, как я?

– Государь, – отвечал потрясенный Неккер, – я люблю вас.

Глава 4. Сатир

Этот странный взрыв чувств у двух мужчин больше не повторялся. Они ощутили необходимость забыть о нем и претворить его в сознательную, основанную на глубочайшем взаимном тяготении связь, какую только может дать продолжительная совместная жизнь и испытанная согласованность... То была схватка душ такого напора и такой стремительности, что оба они, отпрянув, сохранили отпечаток один другого. Оба они знали друг друга, каждый на свой лад и под своим углом зрения: король видел в слуге родственную себе духовную силу, демоническую разносторонность и энергию политика, он видел его безусловную преданность, он видел, что Оливер предоставляет в его полное распоряжение не только весь свой ум, но также и всю полноту своих дарований, которые он, король, считал более значительными и глубокими, чем свои собственные. Оливер же, со своей стороны, понимал смысл каждого слова, каждого взгляда, каждой улыбки, каждого движения короля; часто он знал его мнение и всегда угадывал степень интимности его человеческих переживаний. Он служил ему с беспримечной радостью, но эта радость и это служение являлись особым видом стремления к власти; равным образом его внутреннее расположение к королю являлось внедрением в душу родственную и вместе с тем поистине царственную и обаятельную. Король полагал, что он властвует над Оливером, а между тем постепенно подпадал под его влияние. Неккер же, воображая, что знает, как глубоко внедрился он в другого, в действительности не понимал, насколько сам он обезличился.

Оливер с Анной и Даниелем Бартом, возведенным в должность придворного лакея, занимал ряд комнат в дворцовом флигеле, который был предоставлен в распоряжение высших дворцовых чиновников. Однако король, которому он прислуживал и который обсуждал с ним решительно все политические и административные дела, весьма часто – сообразно с обычаем того времени – оставлял его у себя спать и почти всегда позволял ему раздевать и одевать себя, а во время аудиенций и совещаний он ставил его за занавесом или за панелью и вообще требовал его к себе во всякое время дня и ночи. Благодаря всему этому Оливер становился все более и более редким гостем в собственном доме. Анна держала себя мужественно и вслух не жаловалась. Особое положение мейстера требовало не только от него, но и от его близких полной скрытности, изолируя от всего мира жизнерадостную женщину, привыкшую к смене лиц, разговоров и к людским похвалам. Когда же королю заблагорассудилось не отпускать от себя мейстера даже на обед и, отбросив в сторону всякий этикет, оставлять его обедать за своим столом, когда, наконец, король ощутил потребность сделать Оливера поверенным своих интимных удовольствий и организатором своих многочисленных ночных оргий, мейстер увидел, что прекрасное лицо Анны болезненно изменилось и побледнело от скрытого страдания.

Самым странным было то, что король, уже в первые же дни пожелавший увидеть Даниеля Барта, никогда не приказывал представить ему Анну, хотя, по-видимому, он был осведомлен о том, что значила она не только для всех людей, но и для самого Оливера Дьявола. Быть может, и Жан де Бон забыл о впечатлении, которое произвела на него в Генте жена мейстера Оливера, ибо он почти не вспоминал о ней. Только кардинал Балю, единственный из трех доверенных советников короля, с тайной враждебностью и сословным высокомерием отнесшийся к Оливеру, сказал с гримасой в первые же дни его появления во дворце:

– Говорят, мейстер, у вас жена – красавица?

Однако король резко перебил его:

– Говорят, ваше высокопреосвященство, что у вас нет недостатка в духовных дочерях!

Оливер еще не понимал причин такого поведения короля. Иногда он просил отпустить его на вечер или на ночь, чтобы провести время с Анной. Когда же он узнал о ее глубокой печали, он прямо сказал королю, что его жена страдает от одиночества и замкнутости и что она стоит того, чтобы с ней считаться.

– А ты очень любишь жену? – спросил король, глядя в сторону.

– Я люблю ее как отец, – отвечал Оливер медленно, – ибо она мое создание, но я люблю ее также и как любовник. Это дважды великая любовь.

– Это почти греховная любовь, – отвечал Людовик, все еще не глядя на него. – Однако что же мы можем сделать для нее, – продолжал он несколько торопливо. – Назначить ее фрейлиной к королеве? Но ее величество слишком хорошо знает, что ей всегда следует быть там, где меня нет. А ведь на разлуку с женой ты вряд ли согласишься? Так что же мы можем сделать для нее?

– Можно было бы, – начал Оливер, колеблясь и наблюдая за королем с тайным беспокойством, – можно было бы предоставить нам помещение в этом флигеле или позволить ей находиться вблизи меня.

Король повернул к нему свое лицо – лицо сатира, на котором молнией промелькнула гримаса, а может быть, это усмехнулись лишь его глаза, ибо он говорил уже серьезно, почти добродушно:

– Нет, мой друг, нет, потому что в данном случае твоя близость означает также и мою близость, не правда ли?

Лицо Оливера посерело.

Король вдруг поднялся и стал, волнуясь, ходить взад и вперед по круглой башенной комнате, в которой он любил работать; его сухие кривые ноги в поношенных, бесконечно длинных чулках со сбившимися складками похрустывали в коленях. Но вот он остановился перед мейстером, положил ему руки на плечи и прошептал:

– Оливер, легче бороться против неба у себя над головой, чем против зла в самом себе. Но ты видишь, мой друг, я борюсь. Итак, будь благоразумен, помоги мне и больше не поминай об этом.

Он оставил его и шагнул к окну, через которое виднелась залитая солнцем, широко раскинувшаяся Турень. Казалось, он хотел отвлечь свое и чужое внимание или же перенесся своей непрестанно работающей мыслью уже в другую область. Он обернулся: лицо его было коварно и лукаво, как всегда, когда его мысль опережала его речи.

– Что думаешь ты о Баю? – спросил он без всякого предисловия.

Оливер был так потрясен, так подавлен наплывом недобрых мыслей, что забыл свою обычную осторожную манеру – избегать определенных суждений в присутствии государя, – и после краткого размышления отвечал:

– По-моему, кардинал самый честолюбивый из трех, а потому и самый неверный.

Людовик слегка улыбнулся и со страдальческим видом поднял правую бровь:

– А что, Оливер, это твое мнение вполне свободно от чувства личной обиды?

Ирония вопроса, ясно подчеркнутая тактическую ошибку мейстера, тотчас же вернула ему хладнокровие и его обычные повадки. Он стал внимательно следить за физиономией короля, чтобы на основании мимолетного выражения его глаз или движения лицевых мускулов проникнуть в его тайные мысли. И в ту же минуту его осенила счастливая мысль, что он – если только умно начать – может именно через посредство Баю и того, что о нем знал, стать вершителем более великих судеб, чем это доступно кардиналу в его интриганском тщеславии, и что этого удастся ему достигнуть даже раньше, чем он смел надеяться, – быть может, достаточно рано, чтобы отклонить опасность, грозящую Анне, и уже ни в коем случае не слишком поздно, чтобы выступить мстителем, если потребует кара. Сообразив все это, он отвечал коротко, с тонкой улыбкой:

– Государь! Чувство, даже и оскорбленное, обычно реже ошибается, чем разум, потому что мой разум должен был бы заявить: после меня его высокопреосвященство вернейший слуга вашего величества.

Король на минуту нахмурился, потом сказал со спокойным видом:

– Ты прав, Оливер, отвечая мне так, потому что я сам вызвал тебя на такие речи.

Он задумался, скрестив руки.

– Я должен был бы иначе тебя спросить, – сказал он наконец, – мне не следовало тебя раздражать, потому что теперь ты только сбиваешь меня с толку, а мне нужно сохранить ясность суждения. Ведь ты еще не знаешь, в чем тут дело. Дело касается весьма важного предложения, которое кардинал изложил мне час тому назад. К сожалению, я не предоставил тебе возможности выслушать его. Это предложение застало меня врасплох; я отнесся к нему недоверчиво, но возможно, что это твое весьма растяжимое разграничение чувства и разума настроило меня на недоверчивый лад, а вовсе не самое предложение кардинала.

Он опять умолк. Оливер смотрел на него выжидательно.

– Коротко и ясно, – снова начал король с заметным нетерпением. – Считаешь ли ты кардинала способным сознательно работать против меня? Спроси твое чувство, мой друг.

Оливер, не отводя от короля своего взгляда, ответил задумчиво:

– Сознательная работа против интересов короля есть измена. Мое чувство, а также мой опыт подсказывают мне, что всякий человек, поднявшийся из ничтожества, способен на измену. Государь! В данном случае я не могу обойтись без помощи моего разума, а мой разум говорит мне, что со стороны его высокопреосвященства было бы неблагоприятным или даже просто глупым идти против вас. Но так как человек он умный и, занимая высокое положение, не нуждается больше в интриге, то я бы ему доверял.

Король слегка покачал головой:

– Твоя софистика меня не убеждает, Оливер, и, думается мне, не убедит и в дальнейшем. Вот, послушай-ка: кардинал считает своевременным, чтобы я нанес визит моему племяннику герцогу бургундскому; своими объятиями и заверениями в любви, которые мне так к лицу и которые мне ничего не стоят, я должен отторгнуть его от вновь организующейся против меня лиги феодалов, а они без него, герцога, все равно что без головы и без рук. Когда же главарь разбойничьей шайки, немец Иоганн фон Вильдт, которого я нанял для устройства нового восстания в Льеже, немного позже будет чествоваться городом как освободитель и, пожалуй, надевает бед герцогу, то Бургундец, всегда рыцарски настроенный – а особенно после предварительной трогательной сцены, – не будет подозревать во мне режиссера этого дела. А против действий господина Вильдта я – в нужный момент – продемонстрирую самое резкое негодование. Ну, Оливер, что ты скажешь?

Казалось, мейстер спокойно размышлял. Он потер подбородок, как любил это делать, когда сосредоточивался, и смотрел в пол. Внутри его шла напряженнейшая борьба, и он чувствовал, что кровь заливает ему лицо. Закрыв его рукой, он делал вид, что усердно размышляет. В первый раз решая вопрос, быть ли ему за короля или против него, он испытывал всю силу своего тяготения к Людовику и парализующую близость другой души, которая льнула к нему с жуткой готовностью. Ему показалось трудным утаить те немногие, ясные в своем смысле слова, которые могли осветить темную игру Балю. На минуту он закрыл глаза и добросовестно проверил себя: он видел толстые губы Людовика и его похотливые руки, ласкающие тело женщины; но эта женщина была не толстая служанка Перрашон, с которой король большей частью проводил ночи, или какая-нибудь другая его фаворитка, это была Анна. Оливер стиснул зубы так, что худощавое лицо его стало угловатым, и решился.

– Ну, Оливер, – повторил король, – надо ли мне соглашаться с Балю?

Мейстер медленно отвечал:

– План хорош, однако уверен ли кардинал, что герцог готов вас принять?

– Я сюзерен герцога, хотя бы и на бумаге, и если между нами нет сейчас мира, то нет и войны; он не смеет, хотя бы из соображений престижа, отказать мне в приеме; если бы отказал, то тем самым развязал бы мне руки.

Оливер повторил раздумчиво:

– План хорош, но опасен, – быстро добавил он.

– Почему, Оливер? Или ты опасаясь, что мне что-нибудь может грозить? Не таков Карл Бургундский, чтобы нарушить долг гостеприимства, да еще вдобавок по отношению к священной особе короля.

И, усмехаясь, Людовик показал свои скверные зубы.

– Он – не я, – зашептал король фальцетом на ухо Оливеру, – потому что при всем моем гостеприимстве и родственных чувствах я бы не посоветовал ему приезжать в Амбуаз, хоть я этого от души и желаю!

Оливер отступил немного назад. Ему казалось, что король мог, подойдя слишком близко, подслушать его тяжкую думу.

– Государь, – сказал он задумчиво, – не следует лезть в пасть ко льву. Нехорошо, когда государи, посещая друг друга, полагаются на моральные подпорки, которые они сами же подпилили. Но еще меньше, ваше величество, должно полагаться на тлеющий зажигательный шнур: ведь бомбы и восстания не могут гарантировать взрыва в нужный момент. А молодой герцог бодлив, как бык. Если обитатели Льежа – а они еще более ненадежны, чем мои гентцы, да к тому же оружейники по профессии, – станут раньше времени размахивать красной тряпкой, то и бычок не будет особенно раздумывать, кого ему ближе и лучше поддеть на острые свои рога. Ну а разве его высокопреосвященство не опасается всего этого?

Король опять зашагал по комнате; всякий раз, проходя за спиной Оливера, он бросал на него искоса быстрый испытующий взгляд. Мейстер чувствовал этот взгляд по тому, как всякий раз слегка замедлялись шаги короля, и стоял не двигаясь. Вот король остановился у окна лицом к врывающимся в него лучам солнца и, не оборачиваясь, начал тихо:

– Мне больно, Оливер, что сегодня ты не так прямодушен со мной, как я с тобой. Возможно, что у тебя есть на то свои причины: но смотри остерегайся, как бы я не подверг наши отношения роковому испытанию.

Он быстро обернулся и поймал мятежный взгляд Оливера; не будучи в состоянии победить этот взгляд, он поник головой.

– Оливер, – снова заговорил король, и его голос немного дрогнул, – ты первый, кто мне угрожает и кого я, однако, не обезвреживаю. Будешь ли ты мне за это благодарен?

– Да, – ответил подавленный мейстер.

– Ты думаешь, что Балю хочет заманить меня в ловушку?

– Государь, вы думаете, что я смолчал бы, если бы знал это или хотя бы предполагал?

Король приблизил свое лицо совсем вплотную к лицу Неккера, по лбу которого пошли красные пятна, потом он прошептал:

– Да, друг Оливер.

Мейстер закрыл глаза, чтобы не упасть на колени и не сознаться под пронизывающим и всезнающим взглядом государя.

– Ваше величество, – сказал он беззвучно, – неужели за моими честными, благоразумными и естественными возражениями можно заподозрить какую-то нарочитую осведомленность или злой умысел?

– Да, друг Оливер, потому что ты умен.

– Ваше величество, – простонал Неккер, – при чем тут ум?

– Этого я не знаю, Оливер, но я знаю, что, начнись наш разговор иначе, ты нашел бы другие ответы.

Король отвернулся и медленно пошел к двери. Тут он остановился и, держась за дверную ручку, спросил через плечо:

– Оливер, мой друг, ты думаешь, что Балю хочет заманить меня в ловушку?

Неккер с серым, окаменевшим лицом проговорил сквозь зубы:

– Нет, ваше величество, не думаю.

Король распахнул дверь.

– Пойдем, побрей меня, – приказал он.

Оливер последовал за ним в гардеробную. Одна из стен небольшой комнаты была занята огромным, великолепно граненым зеркалом, полученным в подарок от Венецианской республики в те дни, когда Людовик водил еще дружбу с ее союзником – герцогом Савойским, своим гостем, а не с миланским герцогом Сфорца. Король сел на стул с трех ножек с низкой спинкой, развязал шейный платок и откинул голову назад; его веки казались опущенными, но через ресницы он видел в зеркале каждое движение брадобрея, который со спокойным лицом взбивал мыльную пену в серебряном тазу. Когда лицо Людовика было намылено, губы его дрогнули под белой пеной, словно от беззвучного смеха. Мейстер ловко и привычно правил бритву.

– Мы в хорошем настроении, – сказал король, не открывая глаз. – Мы желаем сегодня вечером быть веселыми, мы желаем видеть около себя веселых людей.

Оливер подошел с бритвой и мягко наклонил голову короля набок.

– Оливер, к ужину ты пригласишь трех моих куманьков.

Брадобрей кивнул утвердительно и скользнул бритвой около щек и подбородка короля. Людовик сказал, почти не открывая рта:

– Но лишь толстый Бон бывает весел, когда напьется. Тристан становится нем, а Балю пошл. Оливер, ты будешь четвертым.

Король некрасиво вытянул губы, когда мейстер стал брить ему подбородок.

Он снова проворчал все еще с закрытыми глазами:

– Однако ты в плохом настроении, мой друг, а потому мы желаем, чтобы ты... – Тут король открыл глаза. – Мы желаем, чтобы ты привел свою жену, Оливер.

На одну секунду бритва остановилась около самого горла; король взглянул на Оливера, тот до крови прикусил себе губы. Людовик спросил совсем тихо:

– А что, разве так трудно перерезать глотку, друг мой Оливер?

И, говоря так, король улыбнулся. Оливер наклонился немного вперед, с лицом неподвижным, как будто глухой.

Острие бритвы нежно скользило вверх по щеке.

Наступил вечер. Парило, как перед грозой. Нервы людей были напряжены, как и тяжелый синий слой воздуха над ними. Только король казался бодрым, прекрасно настроенным и словно не ощущал давящей атмосферы; также был он равнодушен и к жуткому, почти обидному спокойствию Неккера, которым тот прикрывал свое бешенство. Или спокойствие этого человека было лишь хитрой маской беспомощной души, которая колеблется между противоположными чувствами и тяготениями, вынужденная остановиться на каком-нибудь выходе? Или было оно честным выражением принятого внутреннего решения? Людовик этого не знал; он укрылся за своей веселостью, чтобы, не выдавая своего любопытства, наблюдать за другим. Оливер в свою очередь загородился, как стеною, тактом, серьезностью, сдержанностью и не особенно искренним смирением.

Когда Неккер, попросив разрешения пойти переодеться и предупредить жену, уже выходил из комнаты, пятясь задом с совершенно не требуемой и неприятной церемонией, Людовик не смог больше скрыть свое сомнение. Он позвал его обратно. Оливер остался стоять в двери с опущенной головой и висящими руками; король жестом привычной доверчивости, не особенно удавшимся ему на этот раз, подозвал Оливера поближе. Мейстер молча, с учтивым лицом повиновался.

– Оливер, – сказал король скороговоркой и, протянув руку, дружелюбно провел по черному бархатному камзолу брадобрея, – когда ты еще не предполагал возможности конфликта между нами, ты рассказывал мне из своего прошлого кое-какие интимные подробности, которые сегодня ты, пожалуй, с охотой предал бы забвению. Но у меня прекрасная память. А потому, если твоя жена ни с того ни с сего заболеет лихорадкой, например, то это будет для

тебя много хуже, чем для нее даже двойная доза твоего декокта; кроме того, я присмотрюсь, не носит ли внешность дамы следов твоего флорентийского умения гримировать. – Он тихо засмеялся, некрасиво складывая свои толстые губы, и продолжал:

– Под этим я подразумеваю уродование наружности, мейстер Неккер, приукрасить же даму я тебе, конечно, не запрещаю.

Оливер издал почтительно-угодливый придворный смешок:

– Вашему величеству угодно шутить.

– Убирайся к дьяволу, – крикнул Людовик со злобой.

Оливер, стоя в дверях, отвесил глубокий поклон:

– Дьявол идет к своей дьяволице, ваше величество.

Но он был другим, когда тихо и ни на кого не глядя пробирался по сумеречно-печальным, каменисто-серым переходам дворца; он был потрясен, охвачен глубоким отчаянием. Ибо он знал, что грядущая судьба, которой он, быть может, будет повелевать, не прервет трагической нити настоящего, а лишь в лучшем случае отомстит за уже содеянное. Ему казалось, что неотвратимую эту скорбь нельзя ни перенести, ни, пожалуй, даже понять, и потому он чувствовал себя слабее, чем когда-либо прежде.

Когда он вошел к себе в дом, он был внешне опять спокоен, но Анна испугалась при виде его расстроенного лица.

– Что случилось, Оливер? – спросила потрясенная женщина.

Он нежно взглянул на нее и поцеловал.

– Игра будет очень серьезная, Анна, моя дорогая жена, – сказал он грустно, – от меня требуют очень высокую ставку.

Взглянув на него с огорчением, она почувствовала, как он потрясен; она еще ни разу не видела его таким расстроенным и потому поняла, что отчаяние это касалось не его лично, ведь он никогда не сдавался без боя, не отступал ни перед каким жизненным затруднением; инстинкт любви подсказал ей сразу, какого рода была ставка и непосредственно грозящая опасность.

Однако она задала ему только один вопрос:

– Ты раскаиваешься, Оливер, что приехал сюда?

– Быть может, я раскаиваюсь в том, что мы приехали сюда, – отвечал он с тяжелым вздохом. – Ах, Анна, – быстро продолжал он, как бы защищаясь, – это трудный и бесполезный вопрос. Ведь этот демон сидит уже так глубоко во мне или я в нем, что еще вчера, еще сегодня утром я нашел бы подобный вопрос бессмысленным, теперь же могу дать на него только бессмысленный ответ.

Вдруг он откинул голову назад, сжал виски кулаками и зарычал, как раненое животное.

– Это моя вина, – стонал он, – это моя вина! Я был слеп, я был глух!

Анна побледнела и с расширенными от ужаса глазами отшатнулась, вся дрожа.

– Оливер, – спросила она беззвучно, – Оливер! Ставка – это я?

Неккер взглянул на нее; его лицо было искажено, но глаза уже стали жесткими. Анна тихо и с нескрываемой скорбью простонала: «Великий боже!» – и, всхлипывая, тихо опустилась на стул. Оливер закричал:

– Ты не должна плакать, Анна! Иначе у тебя будут красные глаза!

Женщина вскочила, как будто ее ударили. Она бросилась к мужу и встряхнула его за плечо.

– Оливер, – задыхалась она, – Оливер, ты сам хочешь того, чего он хочет?

Он покачал головой с такой болезненной, с такой душераздирающей улыбкой, что Анна закрыла глаза и прижалась к нему.

– Он хочет того, чего я не хочу, – тихо заговорил Оливер, – но ведь он мой король, мой повелитель. И в конце концов, чего он хочет? Он хочет весьма немного, Анна. Он делает нам

обоим честь, приглашая нас сегодня вечером откусать за его столом. Вот и все. Разве это много, Анна? Ну, так вот сейчас мы приоденемся и наведем на себя красоту, Анна!

Они пошли в спальню. Когда Оливер увидел ее молодое тело во всей его прекрасной, невыразимо знакомой наготе, он раскрыл свои объятия, как бы желая обвить ее. Но он не приблизился к ней, и она, неподвижная и словно пришибленная, осталась в своем углу.

– Анна, – прошептал он, и его руки медленно и как бы безнадежно опустились. – Анна, твой дух – от моего духа, и таким он останется; твоё тело – это тело моей любви, и его могут у меня отнять; Анна, если его возьмут...

Он прервал себя и стал одеваться, тщательно и медленно. Анна, устало следившая за его лицом, видела, как оно становилось все холоднее, все жестче. Потом Оливер деловито осмотрел жену. На ней был тяжелый наряд из желтой узорчатой парчи флорентийского покроя, любимого мейстером: платье с узкими длинными рукавами и шнурованным корсажем, поверх него спереди и сзади падали пышные полосы накидки, которая, раскрываясь от плеча, давала возможность видеть строгий контур ее тела; на голове у нее был рогатый чепец горожанок, с которого на спину спускался шейный платок. Она была похожа на прекрасную картину Гирландайо¹⁹. Оливер, кивнув одобрителем головой, скривил лицо в зверскую гримасу и сжал ей руки.

– Анна, – шепнул он ей на ухо, – если его возьмут, если у меня отнимут твоё тело, то, вероятно, сделают меня жестокосердным, как Дьявол, и тогда, Анна, тогда и ты станешь жестокосердной, как я... как мой дух. И тогда, Анна, он должен быть между нами, как между двумя клещами...

Она слегка вскрикнула – так сжал он ей руки, когда же он отвернулся, чтобы открыть дверь, она обхватила его шею и страстно поцеловала в губы.

В открытую галерею, по которой они проходили, внезапно ворвался ветер. Они остановились, чтобы освежить лица. Молнии бороздили зигзагами синеву ночи. Гром рокотал все ближе.

– Будет непогода, – сказал Оливер.

Анна несколько замедлила шаг, когда Оливер хотел двинуться дальше.

– Почему это твоя вина, Оливер? Почему ты так говорил?

– Потому что я говорил ему о том, как ты одинока, и потому что он – по доброте, Анна, жалеючи нас, – никогда не упоминал о твоём существовании и даже не хотел, чтобы о нем упоминали.

– Тогда, Оливер, это моя вина.

Оливер погладил ее руки.

– Вопрос о вине так же бесполезен, как и вопрос о раскаянии, – улыбнулся он. – Ты не должна себя к чему-то принуждать. И к чему, Анна? К жертве?

И, повертываясь, чтобы идти дальше, он добавил изменившимся голосом:

– У тебя не должно быть таких мыслей, Анна. Что за мысли у тебя? Разве это жертва – сесть за королевский стол? Итак, идем!

Но она снова задержала его и притянула к каменным перилам галереи, как будто могла изменить направление его пути.

– Я тебя не понимаю, Оливер, – прошептала она, и в ее словах был глубокий страх, – и это самое ужасное. Ты не должен меня смущать и лишать твердости! Я хочу ясности. Я привыкла или защищаться, или нападать. Ведь я твоя ученица, Оливер, и я не должна казаться неуверенной.

Неккер облегченно засмеялся:

¹⁹ *Гирландайо Доменико* (настоящее имя ди Томмазо Биторди) (1449–1494) – итальянский живописец флорентийской школы раннего Возрождения.

– Ты права, Анна, моя ученица. Но я еще не могу дать тебе никаких указаний. Я хочу, чтобы ты знала об опасности, но чтобы ты не давала этого заметить. Понимаешь ли ты меня? Сегодня вечером всей своей внутренней силой должна ты быть в единении со мною. Тогда мы оба будем знать, когда нам должно нападать и когда защищаться.

Они пошли дальше. Гроза без дождя шумела над замком. Анна прижалась ближе к мужу.

– Но вот что, Оливер, – сказала она, идя рядом с ним, – ведь он меня еще никогда не видел, так почему же ты так боишься?

– У него мои глаза, Анна, – прошептал мейстер.

В высокой, обшитой деревянной панелью столовой пламя восковых факелов пылало беспокойно от вихря, сотрясавшего окна. Три человека – кардинал, профос и казначей – сидели рядом на массивных табуретах у огромного дубового стола, уставленного серебряной посудой; как бы подавленные буйством природы и мрачным величием помещения, они беседовали вполголоса. Тронепоподобное, обтянутое красной парчой кресло короля на верхнем конце стола было еще не занято.

Когда появился Оливер с Анной, все трое переглянулись с удивлением. Жан де Бон, узнав жену мейстера, учтиво поднялся и с приветствием пошел ей навстречу. Встал и сеньор Тристан и, услышав ее имя, с тонкой улыбкой наклонился к ее руке. Только кардинал продолжал сидеть, как того требовал его сан, и едва заметно наклонил голову, когда Жан де Бон в лестных выражениях представил ему даму. Но его глаза под серыми кустовидными бровями осмотрели ее наглым взглядом вивера. Кардинал был высокий, хорошо сложенный человек в возрасте короля, с мясистым лицом, румяным от избытка здоровья и жизнерадостности; под красной шапочкой оно казалось исполненным достоинства, умным и чувственным, с почти женским ртом, с полными губами над выпяченным двойным подбородком; короткий тупой нос, выпуклый лоб и твердый разрез глаз выражали поразительную энергию и безжалостность.

Присутствие красивой Анны действовало на собеседников ободряюще. Мужчины заговорили более свободно; вокруг стола поднялось оживление, забыты были угнетающие размеры зала; даже гроза казалась теперь каким-то посторонневнешним и почти веселым шумом. Оливеру пришлось тем временем покинуть зал: при интимных банкетах, во время которых Людовик не любил присутствия слуг, он наблюдал за кушаньем и напитками и принимал от лакеев немногие горячие блюда перед дверью залы. Он ходил взад и вперед, наполняя пузатые серебряные кружки разными винами, вносил тяжелые блюда со всевозможными паштетами, холодной дичью, пирожным и фруктами и расставлял их в красивом порядке. А в это время Анна с одушевлением и сияющими глазами ловила любезности Бона, скупые напыщенные двусмысленности Тристана, раздевающий взгляд кардинала и его чувственную улыбку, парируя их как опытный фехтовальщик. Иногда взглядывала она через их головы на занятого и как бы ничего не замечающего Оливера и все время, встречаясь своим взглядом то с его глазами, то с профилем, то даже со спиной, получала от него тайные ответы.

Стол был накрыт, и Оливер молча сел около Анны. Балю искоса взглянул на него, вздернул бровями и прошептал несколько слов сидящему рядом с ним Тристану. Профос иронически скривил рот. Кардинал перегнулся через стол и сказал улыбаясь:

– Судя по вашему виду, мейстер, у вас плохой аппетит. Видно, буря разразилась у вас в желудке.

Все засмеялись. Оливер мельком на него взглянул.

– Боже избави меня от подобной бури в вашем высоком присутствии, ваше преосвященство, – сказал он.

Присутствующие засмеялись еще громче. Высокие двойные двери на узкой стороне зала распахнулись с шумом, и раздался голос:

– Король!

Все поднялись. Людовик остановился у дверей, закрывшихся за ним. Окинув быстрым взглядом своих гостей и накрытый стол, он сказал приветливо:

– Добрый вечер, куманьки, я рад вас видеть в хорошем настроении.

Он приблизился к ним своими мелкими быстрыми шагами. Оливер поспешил ему навстречу, ведя за руку Анну.

– Государь, – проговорил он спокойным и громким голосом, – прошу вашей высокой милости и благосклонности для моей жены.

Анна преклонила колени; король небрежно протянул ей руку для поцелуя и сказал:

– Разделите с нами наше веселье, сударыня.

Он взглянул поверх нее на мастера с несколько кривой улыбкой:

– Благодарим тебя, Оливер.

Потом подошел к столу, кивнул остальным мужчинам и сел. Все последовали его примеру. Пиршество началось. Оливер прислуживал королю. Несколько минут царило молчание, как будто бы собравшиеся старались проникнуть в затаенные мысли друг друга. Гроза разыгрывалась все сильнее.

– Хо-хо! – воскликнул вдруг король и сделал большой глоток вина. – Мое присутствие никогда еще не было помехой веселью. Твой бас, друг Жан, кардинальский баритон и тенор Тристана весьма единодушно звенели в моих ушах, когда я стоял перед дверью. Почему же теперь ваш хор умолк?

– Государь, – отвечал профос своим тихим, старческим голосом, – без мастера мы не находим надлежащего тона.

– Разве ты сегодня не в голосе, друг Оливер? – спросил Людовик, прищуриваясь.

Неккер, наливая королю крепкого янтарного вина в золотой бокал и накладывая на тарелку сильно приправленное каперсами и шампиньонами тушеное рагу из жаворонка, отвечал вежливо, склонив голову:

– Его высокопреосвященство уже определил, что мой голос под влиянием грозы покинул свое обычное местопребывание и переселился в кишки.

Король громко засмеялся:

– Вы судите по опыту вашего толстого брюха, монсеньор?

Кардинал хлебнул отличного бургундского вина, посмаковал его на языке, с очами, устремленными ввысь, и проглотил с задумчивым видом.

– Нет, ваше величество, – промолвил он с улыбкой, показывая свои желтые крепкие зубы, – я судил на основании более сложных данных. Основным же пунктом моих соображений было вечно тощее чрево вашего величества.

– Пресвятая Богородица! – воскликнул Людовик. – Из меня вышел бы хороший Папа, коли бы я мог понять вашу логику, Баю.

– Его высокопреосвященство, – забасил Жан де Бон, лицо которого уже покраснело, как кирпич, – его высокопреосвященство исходит из того положения, что, по пословице, только худые петухи... хе-хе... годятся в дело... хотя своим чисто личным примером он не без успеха опроверг это утверждение.

Король пил не переставая, глаза его сверкали странным блеском. Он схватил бокал и вскричал резким голосом:

– Вы в ударе, господа советники, дальше, дальше! Но каким же путем можно прийти, по вашей теории, от моего петушиного чрева к дурному настроению мастера Неккера?

Кардинал поймал губами последние капли из своего кубка и, берясь за кружку, мягко произнес:

– Путем не всегда христианской любви к ближнему, государь.

Людовик ухмыльнулся:

– А как от любви к ближнему перейти к мрачному Оливеру?

Мужчины не рискнули ответить. Анна беспокойно взглянула на мастера, который молчаливо и с неподвижным лицом наблюдал за королем. Среди внезапно наступившей тишины раздался тяжелый удар грома. Король вздрогнул и осенил себя крестным знаменем.

– Куманьки, – заговорил он изменившимся голосом, – вы знаете, что иногда я бываю религиозен не только из-за политических соображений, но и вследствие внутренней потребности. Сейчас я в настроении быть суеверным. Этим я хочу сказать, что вы не должны мне больше отвечать.

Балю и Жан де Бон молча уткнулись в кубки. Господин Тристан, тихо пивший и тихо евший, обвел присутствующих ироническим взглядом и негромким, спокойным голосом заявил:

– Так как непогода лишила дара речи, по-видимому, не одного только мастера Неккера и так как несколько туманные теории его высокопреосвященства вызвали не только неудовольствие неба, но и дурное расположение нашего милостивого государя, то я предлагаю простейшее разрешение всех затруднений: поручить прекрасной госпоже Неккер первую скрипку, с тем чтобы она задавала тон нашему хору. Это смягчит и небеса, ваше величество.

Король, до сих пор едва обращавший внимание на Анну, теперь взглянул на нее испытующе-пронизывающим взглядом.

– Мой профос прав, – сказал он медленно. – А вы, сударыня, согласны?

Анна изменилась в лице и смущенно пожала плечами. Оливер воскликнул насмешливо:

– Палач всегда прав, Анна. Иначе во что превратилось бы высокое королевское правосудие?

И он прибавил, обратившись к королю:

– Госпожа Неккер так же лояльна, как и я, государь.

Анна улыбнулась и увидела отражение своей улыбки на довольном лице монарха, который, перегнувшись через стол, схватил ее руку и поцеловал.

Кардинал, следя за ним сузившимися глазками, сказал с достоинством:

– *Ab igne ignem*²⁰.

Людвик откинулся назад и схватил бокал:

– За ваше будущее пение, сударыня, и за вашу лояльность.

Он выпил и, проведя рукой по лбу, встретился с угрожающим взглядом Оливера. Король схватил тяжелый кубок из литого золота и поднял его, как метательный снаряд. Неккер не моргнул глазом и не отвел взгляда. Король замахнулся, как бы желая метнуть кубок ему в голову, но удержался и ловко бросил посуду на колени мастера.

– Король жалуется старшего камерария кубком со своего стола, – проговорил он побелевшими от бешенства губами.

Оливер вскочил, как будто бы бокал ударил его по лицу, и подкинул его вверх, словно намереваясь бросить его назад. Бон смеялся шумным, пьяным басом, кардинал и Тристан звучно вторили ему. Анна в смертельном ужасе смеялась вместе с ними пронзительными высокими звуками, похожими на испуганные вскрикивания; король открыл рот, как будто бы смеясь; но в действительности он не смеялся, его искаженное лицо было потно, глаза устремлены на Оливера. А тот, взглянув на разинутые рты громко хохочущих придворных и на бледный, искаженный профиль Анны, заревел:

– Да здравствует король!

Это прозвучало как ругательство.

– Инструменты настроены, – ревел Жан де Бон.

Король снова поцеловал руку Анны, он теперь смеялся, как сатир.

Гроза утихла.

²⁰ От огня черпают огонь.

Около полуночи пьяная волна пошла на убыль.

Жан де Бон со стеклянными глазами сидел на полу и бурчал бессмысленные слова, прильнув лбом к ножке стула. Балю опустился в кресло на другом конце комнаты и тихо похрапывал. Сеньор Тристан с восковым, постаревшим лицом, скорчившись, сидел у стола. Оливер, которого король под рычание трех придворных короновал рогатым чепцом Анны и облек в ее верхнее одеяние, сидел неподвижно и прямо на табурете; в своем странном головном убранстве, трезвый, внимательный и страшный, он был похож на какого-то жреца Астарты²¹. Анна, охмелевшая, мятущаяся между волей мейстера и вожделием короля, утомленная от вина, страха и непрерывного напряжения, сидела – как пожелал Людовик – перед ним на столе, со спутанными волосами, томными глазами и с лицом, обращенным в сторону Оливера. Король, прислонив отяжелевшую голову к спинке своего стула, смотрел на Анну, не прикасаясь к ней. Его взгляд скользил по затылку, руке и абрису ее упругих грудей. Вдруг он встал и поднял Анну со стола таким легким и уверенным движением, словно опьянение прошло. Безмолвно, со спокойствием обладателя, обнял он Анну за плечи и повел ее, безвольную от изумления, к двери. Там с решительным, диким и жестким лицом стоял Оливер с чепцом и верхним платьем Анны в руках. Женщина ловко выскользнула из рук Людовика, и Неккер, шагнув, очутился между ней и королем; у того на лбу налились жилы.

– Прочь, – сказал он сквозь зубы.

Оливер не тронулся:

– Дама просит отпустить ее, ваше величество.

– Прочь, – крикнул Людовик и поднял кулак.

Оливер остановил его взглядом.

– Государь, не советую меня бить, – тихо сказал он и, двинув Анну к двери, бросил ей платье; она тотчас же выскользнула из зала.

Король крикнул через плечо:

– Профос!

Тристан подскочил на месте; при упоминании его должности хмель соскочил с него мгновенно. Он серьезно и с готовностью спросил:

– Государь?

Кардинал, зевая, также проснулся и вышел из глубины комнаты. Только Жан де Бон оставался спокойным.

– Что, птичка щебечет уже в гнездышке? – спросил Балю, оглядываясь.

Оливер открыл обе створки двери и тихо прошептал, почтительно сгибаясь:

– Государь, сегодня вешать уже поздно.

Людовик, опешив, посмотрел на него, затем разразился смехом:

– Ты прав, Оливер, это еще успеется.

– Ваше величество, вы меня звали? – спросил Тристан.

Король обернулся:

– Я хотел, чтобы ты кардиналу, который лежит там под столом, и себе самому отрубил голову за то, что вы сидите, когда я стою. Теперь же пусть Дьявол уложит меня в постель, потому что с меня довольно. Покойной ночи, куманьки.

Кардинал ответил с достоинством:

– Мы желаем вам приятного сна в обществе исчезнувшей примадонны. «*Voluisse sat est*»²², – говорит Проперций²³, – добавил он.

²¹ *Астарта* – в древнефиникийской мифологии – богиня плодородия, материнства и любви.

²² «Достаточно лишь пожелать» (*лат.*).

²³ *Проперций Секст* (I в. до н. э.) – один из наиболее значительных римских элликов.

Людовик покинул зал. Оливер проследовал за ним по витой, скудно освещенной лестнице в покои верхнего этажа. Он молча помог королю раздеться, накинул ему на плечи подбитый мехом халат и хотел с поклоном удалиться.

– Нет, ты ночуешь у меня, – сказал король и прошел в спальню.

На возвышении о трех ступеньках, обтянутом ковром, стояло венецианское ложе с резными колоннами и под красным бархатным балдахинном. В ногах находилась постель из подушек и шкур для дежурного камерария или телохранителя. Король подошел к открытому окну и вдохнул чистый, свежий ночной воздух.

– Ложись, – сказал он, не оборачиваясь.

Оливер повиновался. Царила полная тишина. Лишь изредка вскрикивала ночная птица. Бабочка кружилась вокруг ночника. Мягкий лунный свет падал в окно. Неккер заснул.

– Оливер!

Мейстер открыл глаза, не отдавая себе отчета, как долго он спал; не был он также уверен, окликнули ли его. Тень короля исчезла, но было слышно его короткое, немного затрудненное дыхание; время от времени слышалось потрескивание его кровати. Мейстер снова закрыл глаза: он был утомлен.

– Ты спишь, Оливер, когда я бодрствую?

– Я не сплю, государь.

Опять воцарилось молчание, но теперь Оливер знал, что король размышляет, и потому проснулся окончательно. Он улавливал ток напряжения, исходивший от королевской постели.

– Могу ли я доверять кардиналу, Оливер? – спросил Людовик.

Мейстер ответил не сразу, кровь стучала у него в ушах. Он медленно ответил вопросом на вопрос:

– Доверяете ли вы еще мне, государь?

Людовик молчал. Оливер поднялся на своей постели.

– Государь, – настойчиво просил он, – скажите, что сегодня вечером вы никого не назначили камерарием! Скажите, что то, что произошло, неправда...

Людовик молчал.

– Государь! – воскликнул Неккер с надрывом. – Я прошу у вас отставки!

Король сказал:

– Завтра ты отправишься с кардиналом в Париж. Ты будешь за ним следить и удостовериться в его намерениях. Затем, если понадобится, ты поедешь в Льеж и там позаботишься о том, чтобы Вильдт не выступил раньше времени. Само собой разумеется, ты будешь возле меня, если я соберусь в львиную пещеру.

– Я отправлюсь завтра, – прошептал Оливер, – и возьму с собой Даниеля Барта и жену, так как я привык к совместной работе с ними.

– Можешь взять с собой Даниеля Барта, – сказал король, – жена же останется здесь.

Оливер вскочил на ноги и в одно мгновение очутился на нижней ступени возвышения. Людовик выпрямился и взглянул на него.

– В чем дело, Оливер? – спросил он спокойно.

– Государь, – прохрипел мейстер, – если бы я мог сказать вам, что кардинал...

– Друг мой, – перебил его Людовик, – в таком случае я тебя завтра отправляю по другой причине в Париж – или же в каземат.

Оливер, дрожащий, угрожающий, поднялся еще на ступеньку выше.

– Государь, – задыхался он, – почему вы отнимаете у меня жену?

Король снова опустил на подушку; он закрыл глаза, его лицо казалось потухшим.

– Оливер, – сказал он тихо и медленно, – ты думаешь, я боюсь, что ты можешь меня убить?

Коленопреклоненный Неккер распростерся на полу.

– Государь, – стонал он, – я принадлежу вам! На коленях молю вас, оставьте мне жену!

– Оливер, – снова прошептал король, не двигаясь, – неужели ты воображаешь, что я потерплю, чтобы и ты проявлял какие-то там сантименты, как другие? Чтобы ты плакал, обнажая бедное, истерзанное сердце? Чтобы и ты был уязвим и стал отступником во имя личного чувства?

Он замолчал. Когда Неккер, выпрямившись, дотронулся до его руки, ему показалось, что король уже уснул. Казалось, он спал так крепко, что рука его даже не пошевелинулась под губами Оливера.

Неккер тихо сел на верхнюю ступеньку возвышения и подпер голову руками. Бешено стучавший пульс успокоился; он был в состоянии прислушаться к самому себе. За посторонним шумом слышал он уже собственный спокойный, уверенный голос: не сдавайся, не сдавайся! Он взглянул на короля: тот, повернув голову, тоже глядел на него.

– Государь, – медленно проговорил Неккер, – у кардинала честные намерения, но я его испытаю.

Людовик колебался с ответом, затем он сказал не совсем свободным голосом:

– Ты сильнее меня, Оливер, ты уже снова незрим для меня, демон в шапке-невидимке!

И через минуту прибавил:

– Ступай переночуй у жены. Попрощайся с нею. Ступай, Оливер!

Глава 5. Ночная беседа

Все кругом было залито лучами знойного солнца. Небольшая кавалькада медленно двигалась вдоль Луары по направлению к Орлеану. С реки не веяло прохладой. Время тянулось так же угнетающе вяло, как и белая раскаленная дорога под копытами лошадей.

Кардинал насмешливо скривил рот, когда король во время прощальной аудиенции указал ему на мастера Неккера как на его спутника: можно-де использовать знакомство камерария с бургундскими делами и вовлечь его в работу по подготовке свидания государей. Балю задал злостный вопрос:

– А как долго угодно его величеству задержать ревнивца разными делами? На одну ночь, пять ночей, двадцать ночей или даже на всю легко достижимую вечность? – Но он побледнел и потерял свою уверенность перед тем бешенством, которое засверкало в глазах Людовика, резко кинувшего ему:

– Мы не на попойке, ваше высокопреосвященство!

В течение первого часа пути кардинал был в дурном настроении и делал вид, что не замечает ехавшего с ним рядом мастера. Но когда он случайно взглянул на серое и мрачное лицо своего спутника, блестящая мысль осенила его. На минуту он даже закрыл глаза, словно ослепленный. Он начал было разговор, но Оливер, осаждаемый мрачными мыслями, был скуп на слова. Оливер думал об Анне, о прощании, во время которого не было произнесено ни одного слова из тысячи роившихся в его уме. Он не хотел осквернять этой ночи, этой чудной ночи любви рассказом о пережитом и о чудовищном решении и только утром сообщил ей в кратких словах, что король по веским причинам отправляет его в Париж для наблюдения за Балю.

– Он не разрешил мне сопровождать тебя? – спросила Анна, побледнев.

– Меня может сопровождать только Даниель, – ответил мастер.

Больше им не о чем было говорить. Но когда он ее обнял и взглянул ей в глаза, вмещающая в один этот взгляд все, все, что нужно было сказать, он увидел в ее зрачках чуждый, желтый, жестокий огонек. Когда же он обернулся в последний раз, ему представилось чужое лицо куртизанки, без улыбки и милосердия на тонких губах, без любви и без страха. «Это Фиамминга», – сказал он себе, и сердце его сжалось, как от удара ножа.

Погруженный в свои думы, он и не заметил, что спокойный иноходец кардинала шел все тише и что он невольно заставлял свою лошадь идти рядом с ним. Сопровождавший их небольшой вооруженный эскорт ехал теперь на некотором расстоянии впереди них, и только Даниель Барт держался около своего господина.

– Пыль, ужасная пыль! – пожаловался Балю, задерживая лошадь. Он поднял свою черную с красной лентой шляпу и вытер лоб. Оливер с Даниелем тоже придержали своих лошадей.

– У вас неважный вид, мастер, – сказал кардинал, быстро оглядывая своего спутника. – Вы больны?

Оливер поднял голову, стараясь собраться с мыслями.

– Я болен? – переспросил он. – Конечно, нет.

– Но, может быть, у вас какое-нибудь горе? – осторожно подбирался Балю.

Неккер посмотрел на него с удивлением. Потом он тихо улыбнулся.

– Возможно, монсеньор, – сказал он. – Однако наши люди очень нас опередили. Даниель, догони их и скажи, чтобы они нас подождали.

Барт повиновался. Теперь и Балю улыбнулся.

– Хорошо, мастер, хорошо. Нам, может быть, надо сообщить друг другу многое такое, что другим неинтересно знать. – И, говоря так, кардинал задумчиво похлопал своего иноходца по шее. – Я полагаю, мы с вами, мастер, люди известной опытности, – начал он без колебания. – Конечно, мы не удивим друг друга и тем более не оскорбим, если откровенно рассмот-

рим подоплеку того, что случилось. Я беру на себя смелость допустить, что вам небезызвестна истинная причина вашего внезапного назначения, мейстер Оливер?

– Да, конечно, – подтвердил Неккер.

– Я это знал, – продолжал Баю уже уверенным тоном, – ведь вчерашнюю глубоко драматическую сцену я пережил, – несмотря на то состояние, в котором я находился, – не с одним только пошлым цинизмом, какой я обыкновенно проявляю в подобных случаях; нет, я очень хорошо понял ваше внутреннее состояние и восхитился вашему отпору.

– А в самом деле, – засмеялся Оливер, – разве вчера вечером я не был чем-то вроде героического моралиста? Весьма редкий образчик в коллекции Людовика, не правда ли, монсеньор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.